

Иззорь Бороков

Выстрел

ВИРТУОЗ

18+

Игорь Воронов

Виртуоз

<https://litres.ru/74634083>

SelfPub; 2026

Аннотация

Этот роман является первым из трех самостоятельных произведений о сыщике по прозвищу Виртуоз ("Дорога на голгофу", "Адский сувенир"). Когда хозяин казино планировал инсценировку ограбления собственного игорного заведения, он не мог предположить, что кому-то удастся его переиграть и миллион долларов просто исчезнет без следа. В игру вступает сыщик по прозвищу Виртуоз, и вскоре результаты расследования ошеломят даже его.

Игорь Воронов

Виртуоз

Единственное, что я в жизни узнал, это то, что одному везет, а другому не везет, и даже тот, кто окончил экономический факультет Гарвардского университета, не может сказать — почему.

Курт Воннегут. «Сирены Титана»

О! Это высокая мысль о том, что человек может проложить дорогу через океан. — Найти путь там, где нет ни одной тропинки, — и принудить ветры — этих агентов высшего могущества — одолжить ему их неукротимые крылья и перенести его в дальние страны.

Уэр

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КЛУБОК

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Замнач колонии, кругленький с лисьими глазками розовощекий майор, пожал освобождающимся руки, вручил до-

кументы и произнес положенные слова напутствия. В этот день на волю уходили два человека. Один без промедления переступил порог КПП и двинулся в другой мир, с такой любовью называемый свободой. Второй задержался.

— Что будешь делать, сынок?..

Вопрос был задан второму в спину. Тот неторопливо обернулся, хотя торопиться ему и нужно было.

Майор, прищурившись, поджав губы, смотрел на него открыто.

Этому второму, покидавшему колонию, едва перевалило за тридцатник, однако морщины и ранняя седина делали его старше лет на пять-семь.

Замнач терпеливо ждал ответа, хотя смутно чувствовал, что такового не получит. А если и получит, то это будет нечто неопределенное, ровным счетом ничего не значащее. Но майор не хотел вот так просто распрощаться с ним. В конце концов то, что этот человек уходил сейчас, не досидев положенных ему два года, была и заслуга замнача колонии.

— Поедешь к матери? — задал майор новый вопрос, так и не дождавшись ответа на первый.

Но и сейчас круглолицему человеку в форме не суждено было получить ответ.

Освобождающийся смотрел поверх головы майора, в одну точку; казалось, в вонючем прокуренном КПП он обнаружил нечто невидимое, более значимое, чем стоявший напротив собеседник.

— Что молчишь? — не выдержал майор; и лисьи глаза замнача еще больше сузились.

Взгляд человека, к которому майор обращался, не изменил направления, на лице не отразилось никаких эмоций. Однако на этот раз губы разжались:

— У меня осталось мало времени.

Он не кривил душой. Врачи обещали ему самое большое — два месяца. Но он был уверен, что этот максимум ему не протянуть.

— Я знаю, сынок, — голос майора стал помягче. — И я не хочу, чтобы ты натворил из-за этого глупостей.

— У меня мало времени, — как некое заклинание повторил он, продолжая сверлить глазами одну точку.

— Езжай к матери, — не без требовательных ноток посоветовал майор и неодобрительно покачал головой. — Она тебя ждет уже восемь лет.

«Точка» неожиданно перестала интересовать его. Глаза медленно переместились на собеседника:

— Сегодня ночью я видел небо. Близко-близко — так, что до него можно было дотронуться рукой. Я пытался это сделать, но...

Он запнулся. Майор с растерянностью смотрел на него, словно на душевнобольного.

— Мне нужно спешить, — неожиданно закончил он.

— С тобой все в порядке, сынок? — слова собеседника майору были непонятны, замнач привык к ругани и «затей-

ливным» блатным оборотам своих «подопечных»; заумные с подтекстом выражения его мозг отказывался воспринимать.

— В порядке. Если можно так сказать, — горькая усмешка скользнула у него по лицу.

— Забудь о боли. Мой тебе совет.

— А разве такое возможно? Даже если тебе осталось всего ничего?

Он вновь устремил взгляд поверх головы майора, затем развернулся и двинулся из КПП.

Замнач колонии неодобрительно покачал головой. Но больше останавливать бывшего заключенного не стал.

Оказавшись за красной металлической дверью, он остановился. В тридцати метрах от него, у обочины красовалась темно-красная «ауди». Из раскрытых задних боковых окон с одной стороны были высунуты женские ноги в туфельках на высоких каблуках, с другой — выглядывала голова смазливой девчонки с сигаретой в зубах.

Двое бритоголовых верзил стояли у «ауди» и обнимали только что «откинувшегося» корефана.

— Мальчики, вы скоро? — подала голос смазливая девчонка, не выпуская из губ сигарету.

— А то, — гаркнул, не оборачиваясь, один из верзил; и подмигнул возбужденному встречей «братухе»: — Вишь, шалавы боятся, что замерзнут без работы.

Говоривший подтолкнул отмотавшего срок дружбана к машине.

Через несколько минут «ауди» взревела мотором, развернулась и устремилась прочь.

Он криво усмехнулся, провожая иномарку взглядом. Его, увы, никто не встречал. Да, собственно, и никто не ждал его. Кроме, конечно, матери. Хотя и та вряд ли знала, что он сегодня уже на свободе.

Поддев носком камешек, он двинулся к автобусной остановке.

Сухой летний ветер гнал по не мощеной дороге клубы пыли, окурки, обрывки газет и целлофана.

На остановке никого не было. Он знал, что автобус до города придет примерно через час. И здесь что-либо изменить было не в его власти.

2

Двухэтажное кирпичное здание располагалось у въезда в город.

Над входной дверью горела лампа, освещающая хмурые лица двоих атлетически сложенных парней, которые стояли лицом друг к другу, курили и о чем-то разговаривали.

Когда из темноты вынырнули три черные, как сама ночь, фигуры, двое у входа в здание лишь успели повернуть головы на донесшийся шорох.

Короткая автоматная очередь, заглушенная звукопламенегасителем, отбросила обоих к стене, по которой они осели

на крыльцо, разбросав руки и ноги по сторонам.

Новая автоматная очередь разнесла на части камеру видеонаблюдения над дверью.

У троих нападавших были приборы ночного видения, наушники и миниатюрные микрофоны.

Держа в руках на изготовку короткоствольные автоматы, удлинённые ПБС, тройка подошла к входным дверям.

— Мы у входа, — доложил в микрофон один.

Второй тут же высадил ногой дверь и ринулся внутрь помещения.

— Первый этаж чист, — продолжал докладывать один из нападавших.

В это время со второго этажа, гремя подкованными спецботинками, стали спускаться двое в камуфляжной форме. То, что они бежали, не боясь производить шум, свидетельствовало об их излишней самоуверенности и непрофессионализме.

Автоматные очереди из двух стволов перерезали их тела напополам. Из рук «камуфляжей» выпали пистолеты, а вслед за оружием повалились и тела их хозяев, с грохотом покатились вниз по лестнице и застыли прямо у ног стрелков.

Тройка неторопливо, внимательно окидывая взглядом оперативное пространство, переступила через трупы и двинулась по лестнице вверх.

— Мы на втором этаже.

В самом конце широкого коридора второго этажа тускло

горела одна единственная неоновая лампа.

Они двигались осторожно, стараясь ступать на носки, хотя уже и произвели достаточно шума на первом этаже.

Здесь их уже ждали. Из-за дверей одной из комнат высунулся еще один «камуфляж» с пистолетом. При виде незваных гостей он, не раздумывая, выстрелил. Однако стрелял он из рук вон плохо. И пуля, не причинив никому вреда, ушла куда-то в ночь. Вслед за этим раздалась ответная очередь.

«Камуфляж» не успел спрятаться. В разные стороны полетели обрывки одежды и капли крови.

Тело его рухнуло на пол и застыло.

Двое продолжили движение вперед, держа перед собой автоматы, пальцы напряженно застыли на послушных курках.

Третий двигался пятясь, подстраховывая тылы.

В комнате, из которой выскочил незадачливый «камуфляж», находился один человек. С побелевшим от страха лицом, он сидел за столом и пытался дозвониться куда-то по сотовому телефону. Пальцы у него дрожали, и он никак не мог нажать на нужные кнопки, от чего попытка позвонить стала для него настоящей пыткой. Он так и не успел набрать номер; в дверном проеме показались ночные визитеры.

Человек в ужасе округлил глаза и, под гипнотизирующими зрачками стволов автоматов, замахал руками, будто хотел заслониться ими.

— Еще кто есть? — спросил один из ворвавшихся.

Не в силах вымолвить и слова, человек за столом отрицательно замотал головой, продолжая при этом заслонять ладонью свое лицо.

Прозвучал одиночный выстрел. Человека отбросило вместе со стулом к радиатору отопления. Голова ударилась о чугунную секцию, ноги задрались кверху да так и застыли, подерживаемые сиденьем стула.

— Мы на месте, — проговорил в микрофон появившийся в проеме третий визитер.

У одного из тройки была перекинута через плечо сумка. Этот человек быстро двинулся к сейфу, расположенному в углу помещения.

— Уложишься во время? — спросил тот, который постоянно докладывал в микрофон свои действия, когда увидел, что его товарищ внимательно осматривает стальное ребристое колесико сейфа.

— Конечно, — послышалось уверенное в ответ.

Из сумки были извлечены необходимые инструменты: электродрель, сверла, фонендоскоп. Но главным инструментом, конечно, были чуткие пальцы этого человека.

Двое застыли по сторонам от входа в комнату; они поочередно выглядывали в коридор, пока третий колдовал у сейфа.

Если бы снаружи двухэтажного кирпичного здания произошло что-нибудь экстраординарное, им бы тотчас же было сообщено об этом по рации. Однако не следовало исключать

и той возможности, что внутри самого здания мог еще кто-то остаться. И хотя по информации, какой они располагали, такого не должно было быть, все же жизнь иногда преподносила невероятные сюрпризы, которые изначально не могли быть предусмотрены самым продуманным планом и которые в самый ответственный момент неожиданно перечеркивали все достигнутые к тому моменту положительные результаты.

До того, как послышался скрежет открываемой дверцы сейфа, прошло ровно двадцать две минуты.

— Мы уложились, — тут же было брошено в эфир.

Говоривший не кривил душой. Они не только уложились, но и сэкономили три минуты.

Человек отошел на шаг от сейфа, словно желая со стороны полюбоваться на плоды своей работы.

Один остался у входа в комнату, второй подошел к сейфу и, оглянувшись, деловито бросил:

— Держи сумку.

Говоривший сунул руки внутрь стального чрева — с тем, чтобы начать выгребать содержимое.

Тот, кто открывал сейф, услужливо придвинул сумку поближе к товарищу.

Через десять минут двое потащили полную, едва застегнувшуюся замком-«молнией» сумку к выходу.

Стоявший у двери первым двинулся из комнаты, оглядываясь и водя стволом автомата по сторонам, готовый в любую секунду отразить нападение.

Никаких незапланированных остановок не произошло. Троица благополучно выбралась наружу и устремила в ночь.

В тридцати метрах от здания их поджидал «БМВ».

Едва они подошли к автомобилю, как справа со стороны дороги раздалось урчание моторов приближающихся к ним машин.

— Называется: не ждали, — оглянулся один.

Другой просто ругнулся.

Третий быстро скомандовал:

— Сумку в машину.

Поклажа была брошена на заднее сиденье «БМВ». Тот, кто отдавал приказ, сунул голову в салон и сказал сидевшему за рулем человеку, с которым до этого переговаривался по радио:

— Уезжай. Мы прикроем.

Шум двигателей машин нарастал.

«БМВ» с не зажженными фарами плавно тронулся с места и растворился в ночи.

Оставшиеся на месте трое людей переглянулись между собой. И хотя вокруг царил темень, через приборы ночного видения они могли отлично разглядеть решительные лица друг друга. И они могли отчетливо разглядеть врагов.

К ночи ветер перестал, и установилась какая-то тревожная тишина; не было слышно даже маломальского шелеста листвы. Природа словно притаилась в ожидании чего-то таинственного.

Парило. На небе, затянутом облаками, не было ни луны, ни звездочки. И время как бы застыло перед грозой.

Желтый луч фонаря прорезал темноту, а твердые шаги нарушили установившуюся мертвую тишину.

Круглое пятно света уткнулось в разрушенную почти до основания стену здания. Здесь некогда функционировал торфобрикетный завод. Этот завод располагался в нескольких десятках километров от города на довольно обширном пустыре. Ныне предприятие представляло собой сплошь груды бетонных руин, словно после бомбежки.

Он осторожно перебрался через наклоненную пыльную плиту и двинулся дальше, светя себе под ноги.

Ничего не изменилось здесь с тех пор, как он попал за колючую проволоку. Как свалка существовала восемь лет назад, так она и по сей день была. Лишь куски бетона почернели, да слой песка увеличился на обломках некогда работавшего в три смены завода.

Он зацепился за прутья арматуры и зло выругался сквозь зубы. Хрустнула под ногой полусгнившая доска. «Нужно ступать здесь поосторожней, — пронеслось у него в голове. — Так можно и провалиться». Он хорошо знал, что внизу были штольни, на дне которых осталось много всяких желе-

зьяк, и на железяки эти не хотелось напороться.

Но в одну из штолен ему как раз и необходимо было спуститься. Теперь он искал старые ориентиры, по которым можно было определить цель.

Луч фонаря уткнулся в валун. Как тот попал на территорию бывшего завода, было не понятно.

От валуна он стал считать шаги. На четвертом остановился и посветил вперед. Так и есть! Впереди, примерно в метре перед ним, развернулась пустота.

Штольня. Глубиной около трех метров. По боковой стене тянулась металлическая лестница. Он довольно улыбнулся. Ничего не изменилось. Лишь изменился он. Он был уже не тот, что восемь лет назад. Теперь он умирал. Но прежде чем умереть, ему необходимо было сделать очень многое.

Он спустился на дно штольни. Повернул направо и вновь стал считать шаги. Из земли торчали металлические прутья, и он неторопливо их обходил, не сбиваясь со счета. На «десяти» он остановился.

Пятно света переместилось на правую стену и опустилось к полу. У самого дна штольни часть стены была заложена кирпичами. Он положил фонарь на землю так, чтобы луч падал на кирпичную кладку, сбросил с плеча спортивную сумку, достал из нее ломик.

Отсчитав известное ему количество кирпичей, он вытянулся во весь рост и со всего маху ударил в отмеченное место ломиком. Раз. Второй. От третьего удара кирпич ввалился

внутри, оставив на своем месте черную правильной формы дыру.

Он продолжил работать ломиком. Лишь после того, как со своего места были выбиты еще два кирпича, он остановился. Присев на корточки, сунул руку в образовавшееся отверстие и стал шарить в тайнике.

Через несколько секунд достал полиэтиленовый сверток. Развернул его.

Взвесил на ладони перетянутую резинкой пачку долларов. Он не стал пересчитывать деньги. Хорошо знал, что купюр здесь ровно двести. Итого двадцать тысяч. Тайник был, что банк. В течение восьми лет.

Он бросил пачку на дно сумки, предварительно отделив две банкноты, которые сунул в карман брюк.

А затем вновь пошарил в тайнике.

Достал два предмета в кожаных чехлах и полиэтиленовый мешок.

В одном чехле лежал оптический прицел, в другом — ствол. В полиэтиленовом пакете — приклад, магазин и более мелкие детали оружия. Все части были от снайперской винтовки.

Восемь лет назад, прежде чем положить это оружие в тайник, он хорошенько смазал все детали. Но восемь лет, есть восемь лет. Правда, убеждаться в сохранности снайперской винтовки он не стал. Сейчас было не время. Он сможет привести оружие в порядок в другом месте.

Он сложил все в сумку, застегнул ее и перекинул через плечо. Больше здесь делать было нечего. Он встал во весь рост, поднял фонарик и двинулся в обратный путь.

Выбравшись из штольни, вдруг почувствовал себя нехорошо; голова стала непроизвольно клониться набок, ноги свела судорога, и он понял, что к нему начинает подступать очередной приступ. Рухнув тут же на землю, он ощутил, как под ним хрустнула доска. Рука машинально потянулась к карману рубашки, где лежала баночка с таблетками, расширяющими сосуды мозга.

В этот раз он проглотил две таблетки. И успокоенно закрыл глаза. Боль прошла через три минуты. Он облегченно вздохнул, поднялся на ноги и продолжил свой путь.

На небе по-прежнему не было видно ни звездочки. И по-прежнему парило.

4

Молния разорвала небо яркой вспышкой, следом раскатисто прогрохотал гром. На землю обрушились сплошные потоки дождя.

Разрезая темноту светом фар, машина мчалась по извилистой мокрой дороге со скоростью не менее ста километров в час.

За рулем сидела женщина. Несмотря на то что на таком участке дороги, с частыми поворотами, к тому же в дождь

ехать с большой скоростью было совсем не безопасно, женщина не снижала скорости и, крепко вцепившись руками в баранку, продолжала жать на педаль газа.

«Дворники» не справлялись с потоками воды. Видимость все уменьшалась. И в какой-то момент женщине пришлось-таки сбросить скорость.

Стрелка спидометра достигла отметки «восемьдесят» и продолжала медленно скользить вниз. Женщина в раздражении прикусила губу и, собрав в кулак всю свою волю, вновь нажала на педаль газа.

До очередного поворота оставалось метров сто, когда показавшаяся неожиданно встречная машина ослепила ее фарами.

Женщина невольно сощурила глаза, руки дернули руль в сторону. Она ощутила, как в бок машины что-то ударило, и после этого автомобиль перестал повиноваться.

Пробив ограждение из камней, машина на скорости взлетела в воздух, перевернулась и рухнула на крутой склон глубокого кювета вверх колесами, потом, переворачиваясь, с грохотом покатилась вниз.

Перед глазами у женщины все завертелось в невообразимом калейдоскопе. Перепуганная, она уже ничего не понимала. Лишь ощущала страшные удары в лицо, голову, грудь, спину. Сознание, однако, не покидало ее. И она могла чувствовать боль. На миг в мозгу у нее пронеслось, что по лицу ее как будто водят острой бритвой, срезая плоть до кости.

Когда наконец машина прекратила движение и застыла вверх колесами, уткнувшись в дерево, женщина была по-прежнему в сознании. Только боль стала меньше и появилось ощущение, что ее душа приготовилась покинуть израненное, вмиг налившееся свинцом тело.

Дверца машины сама собой открылась, рука женщины в кровавых подтеках вывалилась наружу и замерла на мокрой земле. Дождь поспешно стал слизывать темно-бурую кровь.

Лицо женщины представляло собой сплошное кровавое месиво. Тело удерживалось ремнем безопасности на весу. И капли крови медленно падали вниз на обшивку потолка салона.

Прежде чем потерять сознание, она слышала шаги. Кто-то спускался к ней. И это было последнее, что ее мозг отметил...

5

— Понимаете, доктор, Они везде. На работе в своем кабинете мне приходится закрываться, потому что Они так и норовят забраться ко мне. Свои бумаги я постоянно держу в сейфе. Но мне кажется, Они уже просмотрели то, что Им надо. Дома я поменял замки. Но я не верю, что это поможет. Их это не остановит. Им нужен я.

— Вы говорили, что у вас работает домохозяйка.

— Работала. Я ее выгнал к чертовой матери.

— Почему?

— Она пыталась меня отравить.

— Каким образом?

— Поджарила для меня яичницу и обильно сдобрила ее цианистым калием.

— Вы что, пробовали?

— Ха... Разве я бы сидел тогда перед вами?

— Откуда, в таком случае, вы знаете, что она хотела вас отравить?

— Я чувствую яды по запаху.

— Вроде мы с вами вчера пришли к мнению, что ваши страхи беспочвенны.

— Но сегодня ночью произошло невероятное.

— И что же?

— Они пытались ко мне вломиться.

— К вам в квартиру?

— Нет. Я был в загородном доме. Они хотели пролезть через окно. Но я для Них слишком крут. У меня был «реммингтон». И я пальнул, не раздумывая.

— Не может быть. Вы стреляли?

— А как же, доктор. Ведь Они охотятся за мной и намереваются меня убить. Но меня так просто не возьмешь.

— Кто-нибудь пострадал?

— А что? У меня такое ощущение, доктор, что вы за Них. Или вы один из Них?

— Вы же знаете, что это не так. Разве я не убедил вас в

обратном?

— Вроде бы да. Но кто точно знает?

— Вы знаете точно. Так пострадал кто или нет?

— Нет. Утром я никого не обнаружил за домом. А ночью я не выходил проверять. Я не такой дурак.

— Вы звонили в милицию?

— Зачем?

— Послушайте, давайте следовать нашим договоренностям.

— Я и следовал, доктор, пока Они вчера опять не объявились. Вы ведь говорили, что это не может больше повториться.

— И я по-прежнему это утверждаю. Вы ведь обещали мне, что будете находить всему разумное объяснение.

— А разве это не разумное?

— Нет. Не разумное. Давайте так... Вы готовы придержаться нашего прежнего плана?

— Да, готов, доктор.

— Тогда вы должны забыть об оружии. И больше никогда его не применять.

— Но, доктор, когда кругом одни Враги...

— Вы считаете меня своим врагом?

— Вас — нет.

— Вот видите. Получается, не все так плохо.

— Но... Хотя. Может, вы и правы, доктор. Значит, я все еще смогу спастись?

— Если вы будете слушаться меня.

— Я слушаюсь, доктор.

— Расслабьтесь. И немного успокойтесь.

Психотерапевт, или как теперь модно называть — психоаналитик, Лаврентьев Марк Георгиевич задумчиво смотрел на своего пациента.

Вице-президент крупнейшей компании Фомин Андрей Викторович лежал на кушетке с закрытыми глазами. Это был человек пятидесяти лет, суховатый, подтянутый, с залысинами и с блеклым с обвислыми щеками лицом.

Еще вчера Лаврентьев считал, что его пациент находится на пути к выздоровлению. Но теперь понимал, что ошибся. У пациента уже довольно ясно вырисовывалась начальная стадия шизофрении. И его следовало просто изолировать.

Фомин попал к психотерапевту два месяца назад. Сам президент компании связался с Лаврентьевым и попросил того об этой услуге. Лаврентьев считался одним из лучших психоаналитиков столицы.

Фомин методично, уверенно, с напористостью шел к своей заветной цели — к должности президента компании. Его продвижение было настолько ровным, без каких-либо «крутых виражей», что когда этот «крутой вираж» имел место на пути, он просто не смог справиться «с управлением». Его, словно машину, занесло, закрутило, перевернуло и стопорнуло.

Все было гладко и вдруг... Президентом компании не ожи-

данно стал другой. Со стороны. Варяг, одним словом. Вмешались люди, которые вкладывали в эту компанию деньги, люди, которые неожиданно сделали поворот на сто восемьдесят градусов, вмиг охладев к нему, хотя до этого относились к нему благосклонно.

Везение, эйфория по поводу прекрасно складывающейся карьеры — и неожиданный удар... Вице-президент, не дотянув совсем немного до вожаемого поста, вдруг увидел Их. Врагов. Оказывается, Они у него были. И Они помешали ему. Эта простая мысль взорвала сознание. Конечно, именно Они помешали ему стать президентом. Он не знал, кто Они конкретно. Но эти Они разом объясняли все превратности его судьбы.

У Фомина началась мания преследования. Он стал запирается на ключ в своем кабинете, сменил секретаршу, все бумаги моментально прятал в сейф, если кто-то с ним пытался встретиться. Он верил, что Они не остановятся на этом. То, что он не стал президентом компании, — только начало. Основная Их цель — убить его. Выведать нужную информацию и убить. Какую нужную — он не знал. Да это уже и не имело значения. Для его заболевшего сознания — не имело.

Он заставил проверить свои телефоны на работе, уверенный в том, что в них установлены «жучки» и что все его телефонные разговоры прослушиваются. Конечно, данное болезненное состояние неблагоприятно отразилось на работе. Он стал совершать ошибки, путаться в отчетах, а когда ему

указывали на это, он объяснял это заговором против него. У него был прекрасный послужной список. Именно поэтому президент компании не стал расставаться с ним, а просто сузил объем его работы, решив дать ему некоторую передышку. Однако данный благородный порыв Фомин воспринял по-своему. Они хотят лишить его работы в компании. Враги хотят «убрать» его из компании.

Через месяц ушла жена. Потому как свои страхи он перенес и на дом. Врезал несколько дополнительных замков. Велел жене не приглашать никого в гости и самой никуда не выходить. Не подходить к телефону, и ночью, просыпаясь, постоянно поднимал жену и требовал, чтобы она проверила, не открыта ли дверь на балкон, через который Они могли добраться до него, даже несмотря на то, что он жил на шестом этаже. О загородном доме и говорить было нечего. Там он вообще не мог спать, прислушивался к малейшему шороху.

Когда президент сказал, что Фомин обязан будет посещать доктора Лаврентьева, он отнесся к этому как к продолжению заговора. Однако на лечебные сеансы ходил исправно. Даже в общем-то во всем соглашался с врачом. И Лаврентьев думал, что сумеет подлечить больную психику пациента, но несколько дней назад понял, что все его старания были напрасны. Пациент ему врал. Фомин соглашался с Лаврентьевым во всем лишь с одной целью — узнать, не принадлежит ли доктор к Ним.

Сомнений у Лаврентьева не осталось. Фомину теперь мог-

ли помочь только в психиатрической больнице.

Дверь в кабинет тихонько открылась, и в образовавшуюся щель просунулась голова секретарши:

— Марк Георгиевич...

Лаврентьев обернулся. И нахмурился. Одним из его требований к секретарше было, чтобы ему никто не мешал во время работы с пациентами.

— Очень срочно вас к телефону, — несколько виновато настаивала она.

— Кто? — резко бросил Лаврентьев.

— Катышев.

Брови у психоаналитика сдвинулись к переносице. Катышев был хирургом и заведовал реанимационным отделением одной из столичных больниц. Кроме этого, он был одним из лучших его друзей. И виделись они с ним вчера, а значит, просто так он звонить и настаивать на беседе, зная его привычки, не будет.

— Хорошо. Переключите.

Голова девушки исчезла.

Лаврентьев поднялся со стула, похлопал лежавшего на кушетке Фомина по плечу и мягко произнес:

— Закройте глаза. И постарайтесь ни о чем не думать.

Психотерапевт подошел к своему рабочему столу и поднял трубку телефона.

Новости были неприятными. Лицо психоаналитика побелело, рука задрожала и в какой-то миг едва не выпустила

трубку.

Фомин продолжал лежать на кушетке. Как и приказывал доктор — с закрытыми глазами. Ему не было ни до кого дела. Лишь до своей персоны. А в мыслях у него вырисовывались нездоровые планы расправы с Врагами.

Лаврентьев медленно опустил трубку на телефонный аппарат, облизнул пересохшие губы и устало провел ладонью по лбу, как бы пытаясь собраться с мыслями.

Несколько минут он стоял, не двигаясь с места, задумчиво, не мигая, глядя в одну точку, а затем подошел к входным дверям, приоткрыл их и позвал секретаршу:

— Алена.

Среднего роста смуглая девушка в джинсах и ситцевой блузке впорхнула в кабинет и лучезарно с едва уловимой грустью сверкнула огромными голубыми глазами.

— Отмени, пожалуйста, все визиты на сегодня. Кому сможешь дозвониться. Кто придет — извинись за меня.

Лаврентьев уже не смотрел на секретаршу. Он подошел к Фомину, который, не меняя положения, продолжал лежать на кушетке:

— Прошу прощения...

Вице-президент открыл глаза.

— Сегодня, к сожалению, мы не сможем продолжить.

Фомин вскинул брови и больше ничем не выразил своего недовольствия; сел на кушетке, свесив ноги к полу.

— У меня случилось несчастье. Секретарша вас прово-

дит.

Фомин сказал понимающе:

— Они добрались до вас. Я прав?

Лаврентьев болезненно улыбнулся:

— Не будем забегать вперед.

— Не волнуйтесь, доктор, — заговорщицки прошептал пациент. — Я знаю, как с Ними справиться.

И Фомин подмигнул.

— Давайте с вами договоримся, — Лаврентьев тяжело вздохнул; меньше всего ему сейчас хотелось думать о сидящем рядом психопате. — Вы мне верите?

— Я думаю, доктор, вы на моей стороне.

— Очень хорошо. Тогда отправляйтесь домой. И никуда не выходите. И ничего не предпринимайте. Я с вами свяжусь, и мы обсудим план наших дальнейших действий.

Психотерапевт обернулся к стоявшей у порога секретарше.

— Алена, проводи Андрея Викторовича.

Лаврентьев снял с себя халат, бросил его прямо на стол и двинулся к шкафчику, в котором висела одежда.

В палате реанимации стоял устойчивый запах лекарств. На единственной высокой, широкой койке с закрытыми глазами лежал под капельницей человек до подбородка накры-

тый одеялом. И лишь по белокурым пышным волосам можно было догадаться, что это женщина. На лицо было просто ужасно смотреть, на нем не осталось ни одного живого места — открытая сплошная рана. А кислородная маска придавала пациентке еще более удручающий вид.

— Боже мой, — едва пошевелил губами Лаврентьев; он стоял в метре от кровати не в силах подойти к пострадавшей ближе.

— Средней степени сотрясение мозга, многочисленные переломы, ссадины. Она еще довольно легко отделалась, судя по тому, что мне рассказали.

Стоявший за спиной у психотерапевта Катышев устало пожал плечами. Хирургу было под сорок. Худощавый, высокий, с черной как смоль бородой-клинышком, в белом халате и высоком колпаке.

— А... а что рассказали? — запинаясь, оглянулся Лаврентьев.

— Ее машина сорвалась со склона. И кувыркалась до самого дна обрыва. Можешь себе представить.

— Когда ее привезли?

— Сегодня ночью. Но кто она, мы узнали только утром. Вернее, нам это передали из ГАИ — установили по документам, которые обнаружили в машине.

— Она будет жить?

— Ты имеешь в виду, она будет жить в таком виде?

— И это тоже.

— Сейчас она в коме. Стопроцентной гарантии, конечно, тебе никто не даст. Но я думаю, что все будет в порядке.

— В порядке? — лицо у Лаврентьева скривилось.

— Я вызвал Галкина. Помнишь такого?

— Как же. Хирург-пластик.

— Когда мы поднимем твою супругу на ноги, он займется ее личиком. Медицина сейчас делает большие чудеса. Не переживай. Если Бог поможет ей выкарабкаться, все остальное — мелочи.

Лаврентьев, будто загипнотизированный, смотрел на изуродованное лицо жены. Она была красивой женщиной. До катастрофы. Сможет ли вернуться назад красота? Теперь остались лишь белокурые пышные волосы.

— Пойдем, — Катышев приобнял друга за плечи. — Здесь тебе пока нечего делать.

На пороге Лаврентьев задержал хирурга.

— Ты говорил, у нее сотрясение мозга...

— И не спрашивай. Последствия будут ясны, как только она придет в себя.

Они вышли в широкий коридор. Здесь их уже ждали. Среднего роста, широкоплечий, с грубыми чертами лица человек лет тридцати пяти в форме капитана милиции.

— Следователь Госавтоинспекции Смолячков Иван Афанасьевич.

Проницательный взгляд глубоко посаженных серых глаз капитана остановился на психоаналитике. Казалось, хирург

его несколько не интересовал. А вернее, он уже успел перестать его интересовать.

— Вы муж потерпевшей? — глазки-буравчики так и сверлили Лаврентьева.

Тот кивнул.

— Я звонил вам на работу. Ваша секретарша сказала, что вы уехали в больницу.

— Может, хотите поговорить у меня в кабинете? — предложил Катышев.

Смолячков покачал головой:

— Нет, спасибо. Я бы хотел побеседовать наедине.

— Понимаю, — хирург похлопал своего друга по плечу.

— Я вас оставляю. И жду тебя у себя.

Катышев сунул руки в карманы халата и неторопливо двинулся прочь по широкому коридору.

— Давайте выйдем на свежий воздух. Не знаю, как на вас, а на меня больничные запахи не очень хорошо действуют.

Не дожидаясь ответа, капитан развернулся и поспешил к выходу. Лаврентьев двинулся следом.

Они прошли через довольно шумный от посетителей вестибюль и, минуя стеклянные двери, выбрались на свежий воздух.

После ночной грозы в небе ласково светило солнце.

Лаврентьев скинул с себя халат и перебросил его через локоть.

Смолячков спустился по ступенькам крыльца, уселся на

свободную скамейку прибольничной аллеи. Психотерапевт постоял в нерешительности пару секунд, а затем последовал примеру капитана.

Смолячков вытащил из кармана форменных брюк пачку сигарет, протянул собеседнику. Лаврентьев отказался:

— Спасибо, не курю.

— Похвально, — буркнул Смолячков, засовывая сигарету в зубы. — А у меня как-то не получается.

— Запишитесь ко мне на прием, — сухо посоветовал Лаврентьев. — Думаю, с вашей пагубной привычкой мы справимся.

Капитан коротко засмеялся. Видимо, такая перспектива показалась ему удачной шуткой.

— Я знаю, где вы работаете, — прикуривая, сказал Смолячков. — Психов лечите, да?

— Не только.

Смолячков нахмурился, словно соотнося последнюю фразу психотерапевта с собственной персоной. Он глубоко затаился, выпустил струю табачного дыма и произнес:

— Ладно. Давайте поговорим о вашей жене.

— А что о ней говорить! Она едва осталась жива.

— Я знаю. Вам врач сообщил уже, что произошло?

— Она падала в машине с крутого склона.

— Совершенно верно. Ночью шел ливень. Было скользко. Она ехала по опасному участку дороги с большой скоростью.

— К чему вы клоните?

— Дело в том, что она не просто скатилась по склону.

Лаврентьев изумленно посмотрел на собеседника. Что-то в тоне капитана ему не понравилось.

— Что значит — не просто?

— Прежде чем сорваться, она столкнулась с машиной, которая ехала навстречу.

— О Боже!

— Именно. Две машины столкнулись. И если ваша жена осталась жива, то...

— То?!

— То водителю другой не так повезло.

Этого еще не хватало! Лаврентьев почувствовал, что у него помимо воли нарастает неприязнь к сидящему рядом человеку. Хотя тот как будто ничем его не обидел.

— Погиб? — психотерапевт вздрогнул от собственного вопроса.

— Точно. Моментальная смерть. Так констатировали медэксперты. Слава Богу, что других пассажиров не было.

Лаврентьев задумался, а затем, неожиданно решив, что понимает, куда клонит следователь ГАИ, выдал свое умозаключение:

— Вы вините в аварии мою жену?

— Мы разбираемся в этом, — уклончиво ответил Смолячков. — Дело в том, что и вторая машина двигалась с нарушением скоростного режима.

— То есть в столкновении виновата не только моя жена?

— Вопрос в другом.

— В чем?

— Отчего произошло столкновение, — Смолячков проговорил это, как бы напуская на себя загадочность.

— Что значит — отчего? Вы же говорили, шел ливень и дорога была скользкой.

— Да, конечно, — как ни в чем не бывало усмехнулся капитан.

— Вы можете говорить без неуместных намеков? — не выдержал Лаврентьев.

— Скажите, ваша жена хорошо водит машину? — капитан словно не замечал неудовольствия собеседника.

— Довольно неплохо. Она уже восемь лет за рулем.

— Да, я просмотрел ее личную карточку водителя. Просто хотелось услышать лично от вас. А то ведь как бывает: права выданы и десять лет назад, а человек за руль эти годы даже не садился, а если и сел, то проездил едва несколько месяцев, а там — и забыл, что такое машина.

— Права моя жена получила сама. Я ей их не покупал, если вы это имеете в виду.

— Нет. Я о другом, — капитан покачал головой. — Она хорошо разбирается в машинах?

— В смысле марок или ремонта?

— Последнее.

— Как и все женщины, — отрезал психотерапевт.

— Понятно. Значит, слабенько. А если точнее — никак.

— Для ремонта машин у нас существуют профессиональные мастера.

— Согласен.

— Послушайте, к чему вы клоните? У меня выдался сегодня не лучший день. Моя жена в тяжелом состоянии. На работе не слишком хорошо...

— О вашей работе я не собираюсь ничего расспрашивать, — перебил капитан. — Меня интересует лишь дорожно-транспортное происшествие и причины его.

— А мне уже кажется, что вас интересует не только это.

— Могу вас заверить, только это. Лишней работы мне не нужно... Так вернемся к машине, на которой ехала ваша жена. «Фольксваген-пассат» девяносто третьего года выпуска, правильно?

— Да.

— Техосмотр пройден в прошлом году. На этой машине ездит только ваша жена? Или вы тоже?

— У меня есть своя. Думаю, вам об этом уже известно.

— Да.

— Хотите поинтересоваться моими доходами? — съязвил Лаврентьев.

— Я знаю, что вы хорошо зарабатываете. Имеете свою практику. Частную. И я не налоговая инспекция.

— Вы успели хорошо подготовиться.

— Бывают и менты расторопные.

— Да, вижу.

— Мы опять отвлеклись. Вопрос прежний: на «фольксвагене» ездит только ваша жена?

— В основном. Было пару раз, моя машина забарахлила, пришлось взять у жены, чтобы добраться до работы.

— И за состоянием своей машины жена тоже следит сама?

— Она не следит. Я уже говорил. Как все женщины, она ездит, пока машина на ходу. Когда же ломается, она вызывает мастера или сама отправляется в мастерскую.

— Когда в последний раз машина была в ремонте?

— Не знаю. Не помню.

— То есть давно?

— Давно. Машина не такая уж старая.

— Согласен. Пять лет — это не срок для «фольксвагена». А вы как? Разбираетесь в машинах?

— Могу констатировать, к своему прискорбию, — как и жена.

— Ага. Ездите, пока машина на ходу. Так, да?

— Совершенно верно.

— Значит, можно смело говорить, что к машине жены вы тоже не притрагивались давненько? Я имею в виду ремонт.

— Я и к своей в этом смысле не притрагивался давненько, не то что к машине жены. Да и зачем, если она была на ходу? — с некоторым удивлением спросил психоаналитик.

— А вот тут и некоторая неувязочка. При осмотре «фольксвагена» был обнаружен небольшой дефектик.

— Какой еще дефектик?

— У машины вашей жены не работали тормоза.

Лаврентьев почувствовал подступивший к горлу комок. Казалось, ничто так не могло взволновать его, как эта новость.

— Вы... — запинаясь проговорил он. — Вы ничего не путаете?

— Хотелось бы. Но, к сожалению, — факт остается фактом.

— А может, тормоза вышли из строя во время падения?

— Боюсь вас и в этом разочаровать. Эксперты утверждают, что тормоза были выведены из строя до аварии.

— Как это выведены? — Лаврентьев подпрыгнул на скамейке.

Капитан хмыкнул, затушил окурок о каблук и довольно улыбнулся.

— Пока идет следствие, — обтекаемо заметил он. — Но сами понимаете, смерть — есть смерть. И во всем необходимо разобраться.

— А не слишком ли вы преувеличиваете? На скользкой дороге все может произойти даже с асами.

— Допускаю. Но асы не выезжают с неработающими тормозами. Даже в сухую погоду.

Лаврентьев вдруг почувствовал, что на душе у него стало совсем плохо. Словно это не супруга попала в аварию, а он сам. И еще эта двусмысленность тона капитана...

— Вижу, я вас сильно огорчил. Но уж такая у меня работа.

Лаврентьев вновь промолчал. Его не интересовала, какая «такая» работа у капитана. Плевать ему было на нее.

— Скажите-ка, — Смолячков не отступал, — а что ваша жена делала в середине ночи, в такую погоду вдали от города?

Ну уж это капитану совсем не нужно знать. Совсем не нужно...

Лаврентьев хмуро и демонстративно отвернулся.

— Понимаю. Это не мое дело, — Смолячков поднялся. — Чудно устроена жизнь, знаете ли, — философски подметил капитан, любуясь носками своих ботинок. — Две машины сталкиваются. Одна, вашей жены, катится по склону, врежется в дерево и... И все. Другая — бум. Взрывается и разлетается на части. Интересно, да? «Фольксваген» вашей жены можно осмотреть, а вот вторую машину... Бессмысленно. Незачем копаться в обгоревших, искореженных взрывом частях автомобиля.

Смолячков замолчал и как-то странно, словно увидел нечто удивительное, взглянул на психотерапевта.

Лаврентьев напрягся, поднял глаза на капитана и неуверенно переспросил:

— Другая машина взорвалась?

Смолячков, проницательно глядя на собеседника, кивнул.

— И вы хотите сказать, что если одна машина взорвалась, то и другую должна была постигнуть та же участь?

Губы у капитана скривились в недоброй улыбке.

— Не нужно преувеличивать, — хмуро произнес он. И на этом решил закругляться. — Вы не оставите свои координаты, чтобы я смог вас найти, если вдруг у меня возникнут к вам дополнительные вопросы?

Лаврентьев поднялся со скамейки, порылся в кармане пиджака, вытащил визитку и протянул ее капитану:

— Пожалуйста. Здесь мои телефоны: рабочий и домашний. Звоните в любое время.

Смолячков зажал визитку в руке, кивнул и, развернувшись, побрел по аллее к выходу с территории больницы.

Лаврентьев продолжал стоять на месте и переполошенно смотреть вслед удаляющемуся следователю ГАИ.

Он ничего не понимал. Слова капитана просто выбили его из колеи. Он знал, куда направлялась ночью его жена. Он знал. Но ничего такого с ней не должно было произойти. Во всяком случае, не сейчас. А теперь получается, что его план нарушен. Кем-то нарушен.

Лаврентьев вздрогнул, будто ощутил невидимое присутствие этого кого-то.

ГЛАВА ВТОРАЯ. КОСАРЕВ

Нет, все-таки мешать напитки препаскудное дело. В особенности, когда пьешь лошадиными дозами. Хотя вообще-то

я не отношу себя к тому сорту людей, которые злоупотребляют спиртным, но иногда, что называется, соскакиваю с тормозов. Вот и вчера. В принципе, повод был. Я получил гонорар и, понятное дело, решил немного расслабиться. А тут и две подружки, черт бы их побрал, подвернулись. С утра уже искали, с кем бы повеселиться и, ясное дело, не за свой счет. Что ж, от некоторой суммы наличности я готов был избавиться.

Кабак помню. Еще что помню? Что начали мы с шампанского. Потом пошла водка. Затем коньяк. После... Черт его знает, но эти сучки, кажется, заказывали еще вино. Заразы. Лошадь легче упоить, чем их. Что еще помню... что врезал как следует официанту в рожу, когда тот принялся меня уверять, будто принес бифштекс, а не размокшую галошу. Вообще не люблю, когда мне перечат.

Что было после кабака — тяжело. Ну просто тяжело. Прямо одуреть можно. Мои подружки, конечно, меня привезли ко мне домой. Тем более, что им это уже не впервой. Живу я один в однокомнатной квартире.

Что эти стервы со мной вытворяли в моей же квартире, можно только догадываться. Потому как вырубился я еще не дойдя до своего дома. И, если честно, вообще не пойму, когда все произошло. Но не это главное. Главное случилось тогда, когда я проснулся на следующее утро. А вернее, меня подняли, ткнув чем-то тяжелым в бок. Ну, я почувствовал удар лишь один раз, а сколько их на самом деле было, прежде

чем я соизволил открыть глаза, — это уж мне не известно.

Я приоткрыл глаза, самую малость, и тоскливо, как тот обиженный одинокий волк, застонал. Черт побери, но просыпаться мне не хотелось. Кто бы меня и для чего ни пытался разбудить.

— Может, ему яйца плоскогубцами сжать, чтобы он наконец очухался? — донесся до меня довольно грубый голос.

Я очумело уставился перед собой. Это еще что за умники? Во мне разыграл протест обиженного человека. Я дернул рукой, намереваясь, несмотря на свое не бойцовское состояние, врезать нахалу, осмелившемуся мне дерзить, как тут же почувствовал, что не могу двигать своими верхними конечностями, их что-то крепко держало. Или кто-то.

Сон вмиг улетучился. Как человек, который часто встречается с неприятностями, я вмиг напрягся и широко открыл глаза. Очень широко. Чтобы как следует рассмотреть тех, кто так бесцеремонно со мной обращался.

Их было трое. Двое в брюках и с коротким рукавом рубашках, третий — в спортивном костюме.

Тот, кто стоял ближе ко мне, был чуть выше среднего роста, с отвратительной внешностью; одни колючие маленькие глазки, недружелюбно глядящие исподлобья, чего стоили! Двое других были несколько крупнее своего спутника. Один, что был в спортивном костюме, имел вид боксера; приплюснутый нос — характерный признак именно этой категории людей; второй был либо грузин, либо армянин; больше о нем

мне сказать нечего.

— Что, веселенькая ночка выдалась?

Колючие глазки как-то магически блеснули.

Я насупился. И только тут понял, как нелепо выгляжу перед незванными визитерами. Я лежал на диване полностью обнаженный, и моя нагота ничем не была прикрыта, более того, я не мог двинуть руками. Одуреешь тут.

Я приподнял голову. Мои руки были прикованы к спинке дивана наручниками. Вот же суки!

— Думаешь, тебе это так просто сойдет, — грубо бросил я в сторону колючих глазок.

Незнакомец довольно хмыкнул и развел руки в стороны:

— Мы здесь ни при чем. Ублажали тебя явно другие. Мы ведь так не умеем, ты ведь знаешь.

Он был прав. И я узнал его. Стоявший передо мной Ха-саев, или просто Хан, владелец казино, большой авторитет, имевший у себя за плечами довольно темное криминальное прошлое, любил силовые методы воздействия. И если он «ублажал», то с помощью раскаленного утюга, ножика или просто пули. И делали это его «шестерки», а не он сам. Появление Хана в моей квартире говорило о том, что я ему понадобился очень срочно. Иначе он вызвал бы меня к себе, а не тащился в мою холостяцкую берлогу.

Я вновь посмотрел на наручники. «Браслеты», как я понял, были моими. Надо же! Шлюшки, чтоб их! Значит, это они порезвились. Нет, пьянка и ушлые бабы — смесь до-

вольно взрывоопасная. Спермовыжималки недоделанные. Я взглянул вниз. Член был на месте. И слава Богу. Могли ведь и обрезание сделать, что с этих пьяных зараз возьмешь.

— В баре ключ, — уже мягче проговорил я. — Может, отстегнете?

Хан подергал мочку уха, как бы решая — стоит ли удовлетворить мою просьбу. У меня возникло подозрение, что ему нравилось наблюдать мои наготу и беспомощность. Вот сволочь! Только бы не вспомнил своих зэковских пристрастий.

— Бурый, — бросил он, не оглядываясь. — Помоги человеку.

Я вздохнул облегченно.

Что в спортивном костюме подошел к секции, открыл бар, отыскал ключ и вернулся ко мне.

Почувствовав, что мои руки освободились от злосчастных наручников, я быстренько присел и стал массировать запястья, совсем не обращая внимания на визитеров.

— Оденься, — рыкнул Хан. — Разговор у меня к тебе есть.

— У меня сейчас отпуск, — попытался возразить я.

— Заткнись, — тут же получил недовольный рык в ответ.

Перечить не имело смысла. Особенно Хану. Тот не любил отговорок и не очень понимал шутки.

Моя одежда лежала на полу, смятая до неузнаваемости; на ней, видать, целую ночь плясали. Вполне возможно, что так и было.

Я быстренько влез в трусы, брюки, натянул спортивную майку (хорош спортсмен!), после чего пригладил волосы на голове. Но я, конечно, не думаю, что имел после этого лучший вид.

Хан прошелся по комнате и небрежно плюхнулся в кресло. Двое остались стоять, где стояли.

— Как я понял, ты сейчас не занят, — начал незванный гость.

— Я сейчас отдыхаю, — пытался спрятать ухмылку я.

— Мне нужно отыскать одного должника, — не обращая на мои слова никакого внимания, приступил к делу Хан.

Ну конечно! Ради чего еще он мог притащиться сюда со своими «шавками». Розыск должников — это моя специальность. То, чему я посвятил себя в настоящее время. Может, в будущем я и поменяю профиль работы, но если это и случится, то не очень скоро. Я пока не видел оснований изменять выбранному пути.

Моей задачей было не только разыскать должника, но и вернуть долги. Я брался за такие дела, которые уже считались просто «дохлыми». И без лишней скромности могу сказать, что поражений до сих пор не имел. У меня свои методы. Я не использую утюги, цепи и щипцы. Мой метод — психологическая обработка дебитора. У каждого человека свои слабости, свой мирок, в который если с должным умением вторгнуться и с терпением в нем поработать, то можно добиться многого. В самой науке психологии есть такой раздел

— виктимология. В нем рассматривается умение моделировать поведение людей в сложных ситуациях. Ну так вот, существует считанное количество сценариев поведения человека, загнанного в угол, и поступки любого человека могут быть предсказаны с большой точностью. Это теория, разумеется. Но на практике так все и выходит. Человек, «заныкавший» энное количество чужих денег и не желающий их отдавать, как правило, уходя в подполье, все хорошенько планирует. Отправляет к дальним родственникам детей, разводится с женой, меняет адрес и паспортные данные, плюс еще и свою внешность. Обычные бритоголовые урки в лучшем случае могут потрясти за ноги того, кого поймают, а разыскивать человека ни мозгов, ни терпения у них не хватает. А ведь как бы человек ни прятался, если он еще жив, обязательно найдется кто-то, кто его видел. И знает. Главное — уметь добыть нужную информацию. В свое время я закончил университет, служил в десанте, немного в угрозыске, прошел школу спецназа и был в группе специального назначения при ГУВД столицы, пока оттуда с треском не уволили по несоответствию (а вернее, просто в то время нужно было на ком-то отыгаться, ну и я подошел). Ну и хрен с ними! Знание оперативной работы мне сейчас очень пригодилось. И высшее образование тоже. Как? Работа по возвращению долгов состоит из двух этапов. Первый этап — отыскать должника. Второй — заставить этого должника вернуть долг. Розыск должника это чисто сыскная работа. И иногда требую-

щая помощников. Их я нахожу среди студентов. Они для меня подходящие помощники. Чтобы понаблюдать за определенным местом, где может появиться нужная мне личность. Очень терпеливо и долго наблюдать. День, а может, неделю. Я остался в неплохих отношениях с некоторыми преподавателями, которые мне и советуют, с какими студентами можно, по их мнению, иметь дело. Кто усидчив, трудолюбив и так далее. Я с ними знакомлюсь. И предлагаю подработать.

Студенты народ в общей массе не богатый. И поэтому с удовольствием берутся за предложенную работу. И хорошо ее выполняют. Сутками сидя в подвалах, на крышах, следя за территорией возможного появления нужного мне человека. Территорий бывает несколько. И где появится «клиент», в равной мере можно указать на любую. А может, и не появиться. Поэтому я отрабатываю и другие направления. Одновременно. А именно, где эта жертва затаилась. И не сует носа никуда. Я уже говорил, поведение любого человека можно смоделировать. Главное — просчитать все возможные варианты поведения этого человека. Варианты не безграничны. Он может сделать лишь то, что позволит его характер. Не более, не менее. После того как меня выперли из органов, я некоторое время находился в меланхолическом состоянии. Я мечтал сделать карьеру в правоохранительных органах. И тут на тебе. Я оказался не нужен им. Обидно. Но друзья у меня там остались. Помощью коих я, конечно, не брезгую. Не знаю, что бы я делал после увольнения, если бы

не один знакомый из финансовой компании. Эта компания предоставила другой, так сказать, кредит в двести тысяч баксов. Ну и руководитель той другой компании, заныкав денежки, смотался. Отыскать данного гада-руководителя никакими способами кредитору не удалось. И вот мой знакомый как-то поплакался мне об этом в жилетку. Делать мне в ту пору было нечего. Я выслушал всю информацию об этом удравшем дебиторе. И что-то мне показалось интересным — в том смысле, что я увидел путеводную нить к обнаружению того злодея. Я поинтересовался, а что светит человеку, который укажет на исчезнувшего пройдоху. Мой знакомый икнул и тут же рубанул: пять процентов. Это получалось десять тысяч. Фантастические для меня были в то время деньги. Я сказал, что хочу попробовать. И нашел... Этот должник увлекался коллекционированием бабочек. Как Мавроди. Он прямо был помешан на своем хобби. И, собрав нужную информацию, я выяснил, что в последнее перед своим бегством время он искал одну редкую бабочку для своей коллекции. Затем я «прошелся» по его последним звонкам. И обнаружил, что он связывался с Малайзией. И все стало ясно. В Малайзии — крупнейшая ферма по разведению бабочек. Я потребовал у моего знакомого аванс. Нанял из одного частного детективного бюро двоих ребят. Снарядил их в эту экзотическую страну, на данную ферму. И получил потрясный результат. Такой экземпляр бабочки интересовал лишь одного человека. И этот заказ только готовился быть выпол-

нен. Мы получили адрес заказчика оной бабочки (не без помощи денег, естественно). И по этому адресу «выловили» нужного нам человека. Которого затем в сопровождении нанятых мной ребят транспортировали в Первопрестольную. Он, ошалевший, даже не стал сопротивляться. И с готовностью вернул долг. Все прошло как по маслу, так что я даже не поверил в столь быстрый успех. Но десять тысяч баксов заработал (расходы я отнес на моего знакомого, пришлось в процессе подкорректировать условия договора). Смоделировать поведение этого человека было не сложно. Его увлечение, до самозабвения, дурацким, по моим понятиям, коллекционированием было сильнее даже страха быть обнаруженным. Ну да ладно. Мой знакомый остался доволен. Он считал, что деньги уже безвозвратно потеряны. А я с этого момента понял, что вполне могу найти достойное применение своим силам и интеллекту. Тем более, что тут и второе предложение подвалило. Мой знакомый порекомендовал меня еще одному человеку. А вернее, нескольким. Троице. Им некто был должен около ста тысяч. Братва, к которой они обращались, лишь смогла его измочалить до полусмерти. Не более. Смерти этого человека никто не хотел. Только денег. Поэтому братве было приказано делать с ним что угодно, только не «мочить». Но ни хрена у них не получилось. Я же говорю, нет у бритоголовых ни мозгов, ни терпения. И взялся за дело. Правда, с этого момента решив увеличить свой гонорар до десяти процентов. Что было приня-

то тут же. Я пришел на квартиру к избитому, измученному должнику. И три дня за ним ухаживал. Много с ним беседовал. Я ж говорил, главное — добраться до мирка жертвы. И правильно в него вклиниться. Тогда можно делать все, что угодно. Эти три дня, что мы провели вместе, и мои ухаживания не пропали даром. Он рассчитался с кредиторами. После этого, можно сказать, и пошла гулять моя слава. Ко мне за помощью обращались и сами авторитеты криминального мира. Когда их методы (угрозы и насилие) оказывались безрезультатны. Вот так я пришел прямиком к своему нынешнему ремеслу... Свою жизнь я разложил на ладони, что называется. Любите, если хотите, или, если не желаете — то и не жалуйте. С Ханом, который сейчас находился в моей квартире, мы уже сталкивались. Когда-то мне одного должника пришлось искать через казино. И с Ханом мы тогда довольно мирно контактировали (со многими людьми мне приходилось сталкиваться, ох, со многими!). Но в моей квартире Хан был впервые. А значит, у него возникли проблемы, разрешение которых подходит под мою «юрисдикцию». Потому что таким людям, как Хан, я известен лишь в одной ипостаси. О которой я только что столько говорил...

Хану было под пятьдесят, но выглядел он намного старше, все-таки криминальная жизнь оставила свои отпечатки. Двоим его молодчикам едва исполнилось тридцать, больше я бы не дал.

Обычно Хан щеголял в безумно дорогом костюме, но се-

годня он решил несколько поскромничать. А может, посчитал, что я птичка не совсем уж высокого полета, чтобы перед встречей со мной наряжаться.

Я болезненно поморщился, ибо давал себя знать синдром похмелья.

Отодвинув легонько в сторону не то армянина, не то грузина, я двинулся к секции.

— Ты чёго толкаешься, да? — взъерепенилось, дернувшись, лицо кавказской национальности. — Счас «помочу»...

И говоривший для убедительности вытащил «пушку». Сзади, из-за пояса. Вот же урод! Мне так и хотелось въехать ему в рожу.

— «Замочу», — не без издевки поправил Хан.

— Знаю, да, — обиделся знаток «великого и могучего». — Я так и говорю.

— Закрой пасть и спрячь ствол, — громыхнул Хан так, что, мне показалось, задрожала люстра.

Я открыл дверцу бара, достал пачку сигарет, зажигалку. И поспешно прикурил. Я был бы не прочь и пивца глотнуть, но, глядя на нетерпеливые лица гостей, решил пока отложить лечебную процедуру.

Сделав пару глубоких затяжек, почувствовал себя еще более паршиво.

Я прошел к дивану и плюхнулся на него. Возмущенный моим дерзким поведением умник уже успел спрятать оружие, однако неудовольствие продолжало просто-таки со-

читься из него.

— Как дела в казино? — с некоторой развязностью поинтересовался я у Хана.

Уголки губ у того дрогнули:

— Хочешь выложить свои денежки?

— Нет, пожалуй. Думаю, может, ты в компаньоны меня пригласишь.

— Все умничаешь? — Хан сузил свои и без того узкие глазки.

— Ему по мошке надо съездить, — не удержался русскоязычный словесник.

— Башке, — зло поправил его Хан.

— Знаю, да, — досадливо скривился кавказец. — Я и говорю.

— Да заткни ты свою пасть, наконец, — едва не подпрыгнул в кресле Хан.

Собеседник невозмутимо пожал плечами. Веселенький товарищ, ничего не скажешь. Уписаться можно.

— Вернемся к делу, — рыкнул Хан, переводя взгляд в мою сторону; ему, наверняка, надоело то препираться со мной, то поправлять своего идиота-товарища.

Я предусмотрительно промолчал. Пусть говорит дело. Быстрее расскажет, быстрее свалит. И я быстрее начну лечиться. А то с каждой минутой становится все хуже.

— Мне нужно найти одного засранца.

С этими словами Хан вытащил из кармана рубашки фо-

тографию и протянул ее по направлению ко мне.

Бурый моментально подхватил снимок и передал мне в руки.

На фотографии красовался далеко не засранец. Довольно крепкий парень лет двадцати пяти, в одежде спецназа. Снимок с одной стороны — правой — был волнисто обрезан, из чего я заключил, что «засранца» просто вырезали из общей фотографии. Интересно, почему Хан не захотел показать мне снимок целиком?

— Сколько он тебе должен? — спросил я, продолжая любоваться фрагментом фотографии.

— Не твое дело, — огрызнулся Хан. — Ты мне его отыщешь и все. Долг тебя не должен волновать. За это получишь десять кусков.

— Я работаю на проценты от выбиваемой суммы, — попытался напомнить я.

— На этот раз выбивать не нужно. И должен он мне совсем не деньги. У нас другие счета. Так что десять кусков — это вполне приемлемая цена за информацию о местонахождении человека. Пять кусков аванс.

— Это, конечно, унижительно, — попытался шутить я, но, как и следовало ожидать, Хан шутки не понял.

— Чего унижительно?

— Это все равно что хоронить без покойника.

Хан наморщил лоб, стараясь врубиться в то, что я сказал. Но результат для него оказался нулевым.

— Жванецкий. Слышал? — пытался помочь я.

— Опять умничаешь? — брызнул слюной он.

— Нисколько, — на полном серьезе сказал я.

Хан пристально посмотрел на меня, силясь уличить меня во лжи. Но, как ни трудно мне было, я все же удержал у себя на физиономии маску серьезности.

Хан поднялся и подошел ко мне:

— Короче, мне этот человек нужен через день, максимум — два.

— Э-э, — протянул я, едва не упустив изо рта сигарету.

— Так дела не делаются. Человека бывает не просто найти.

— Он здесь. В Москве или около.

— Почему же сам не найдешь?

— Если бы мог, к тебе не пришел бы.

— А откуда такая уверенность, что он где-то здесь?

— Потому как он две недели меня водил за нос. А затем вот уже неделю как просто молчит и не подает признаков жизни.

— Это еще не значит, что он где-то здесь, — попытался урезонить его я.

— Если я говорю, что он где-то здесь, значит, так оно и есть. И не задавай мне больше дурацких вопросов. Отыщи мне этого ублюдка.

— Кто он? — я взмахнул фотографией.

— Корш. Бывший спецназовец. Как и ты. Тем легче тебе будет его отыскать.

— Где он живет?

— Его квартира пустует уже больше месяца. Он не дурак, чтобы светиться в ней. Из родных только мать и отец, которые живут на Украине.

— И тем не менее, мне нужны адреса и его квартиры, и родителей.

— Вот он знает, — Хан кивнул на вздорного своего дружка.

— А мне-то что от этого, — скривился я.

— Ты будешь работать вместе с ним. С Арменом.

— С этим дебилом?! — тут уж и я вскочил на ноги.

Армен при моих последних словах просто позеленел, его нижняя губа от обиды едва не свесилась ниже пояса.

На свет тут же появилась «пушка».

— Ты... ты... «Помочу», суку.

— «Замочу», урод, — на этот раз поправил его я.

Тот с визгом ринулся ко мне, помахивая стволом.

— Кишки высуну, да, — захрипел Армен, приближаясь ко мне.

— Заткнулись!

Рев Хана вмиг заставил Армена застыть на месте. И в данный момент я точно видел, что люстра моя зашаталась.

Хан стоял с красным от злобы лицом.

— Заткнули свои вонючие пасти, — Хан неприязненно посмотрел на меня. — И прекрати свои дурацкие шуточки. Усек?

Я пожал плечами.

— Будете работать вместе. Оба, — Хан так и пронзил меня своим взглядом.

— Я всегда работаю один, — сделал я очередную попытку избавиться от общества Армена.

— На этот раз отступишь от своего правила. И не вздумай мне пудрить мозги. Дело для меня слишком важное, чтобы я оставлял тебя одного.

— Если не доверяешь, какого хрена пришел ко мне?

— Я не доверяю даже своей матери, не то что бывшему менту. Пусть и очень крутому.

— А если в таком случае я откажусь?

— Тогда ты в этом городе больше не будешь вообще заниматься своим ремеслом. Тебя такое устроит?

По глазам Хана я понял, что он не шутит. И, видимо, незнакомец в самом деле нужен ему был позарез, коль он лез, что называется, из себя.

— Бурый, — Хан обернулся в сторону человека в спортивном костюме.

Тот достал из кармана мастерки пачку долларов и небрежно бросил ее на журнальный столик.

— Здесь пять тысяч, — кивнул на деньги Хан. — Остальную часть получишь, когда найдешь требуемого мне человека. Вопросы есть?

Я понял, что возражать бессмысленно. И придется для этого ублюдка-казиношника все же постараться.

— Пока нет, — после продолжительной паузы ответил я.
— Но потом могут возникнуть. Как мне связаться с тобой?
— Он свяжется, если что, — Хан небрежно кивнул на Армена.

Да, все же не отделаться мне от этого идиота.

Армен словно уловил, что я о нем думаю, и невольно опять дернулся вперед. Я с удовольствием оскалился.

— Желаю вам, ребятки, подружиться, — неожиданно лейейно пропел Хан, поочередно бросив взгляд на меня и на своего дружка. — Потому как денька два вам придется едва ли не жить вместе.

Перспектива меня не очень радовала. А вернее, она была отвратительной. Я только что закончил с одним делом и хотел было хорошенько отдохнуть, и вот на тебе. Еще и уroda мне подсунули. Интересно, как себе представляет Хан наше сотрудничество? Лично я не представляю.

— Ну, ладно. Пока, Виртуоз. Надеюсь, ты меня не разочаруешь.

Виртуоз — это я. Мое прозвище. Мне оно нравится. Но сейчас, услышав его, никакой радости я не ощутил.

Хан двинулся к выходу. Бурый поплелся следом. Армен остался стоять на месте, из чего я понял, что теперь он в самом деле будет, что называется, жить со мной. Что ж, один из нас к концу второго дня точно сойдет с ума. Только кто это будет?

— Квартира что, была открытой? — адресовал я вопрос

удаляющемуся Хану.

Тот обернулся и сощурился:

— Что значит открытой?

— Как вы вошли сюда?

На этот раз улыбнулся Бурый. Самодовольно и презрительно. И это был ответ.

Двое вышли из моей квартиры, громко хлопнув дверью.

Армен стоял, сунув руки в карманы брюк, и пренебрежительно покачивался с пяток на носки.

— Будэм работать, да? — весело спросил он, словно и не было у нас с ним стычки.

Я хмыкнул:

— Будэм. Раз такое дело, да?

— И с чэго начнем? — напрягся он.

— Сначала застели мой диван, — буркнул я и двинулся на кухню.

Он быстренько меня догнал:

— Я тэбэ нэ слуга, понял, да? Я здэсь главный, а нэ ты.

Я смерил его оценивающим взглядом. Пререкаться мне больше не хотелось. Я просто устал. И хотелось пива. Очень хотелось.

— Ладно. Ты здэсь главный, — согласился я. — Что прикажешь?

Он удивленно заморгал глазами:

— Что я прикажу?

— Ну ты ведь главный.

— А-а, — протянул насмешливо он. — Подкакиваешь, да?

— Подкалываешь, умник, — не сдержал улыбки я.

— Знаю, да. Я так и говорю.

Обиды в его голосе не было слышно. И мне это в общем-то понравилось.

— Я иду пить пиво. Хочешь?

Он на секунду задумался и уверенно произнес:

— Почэму нэ хочэш?

Я достал из холодильника две бутылки.

— Тэбя как зовут? — спросил Армен.

— Виртуоз. Все так меня зовут.

— А мэня Армэн.

Как будто я не слышал его имя.

На лице навязанного мне напарника играла доброжелательная улыбка. И я подумал, что, может быть, мы и не сойдем друг от друга с ума. Во всяком случае, не так быстро.

2

На улице было жарко. Солнце уже с утра нещадно палило и обещало сухой денек.

Я был налегке. Все в тех же спортивной майке, брюках; на ноги надел легкие летние туфли.

Армен шел впереди. И его вид мне не понравился. А вернее одна деталь. Сзади из-за пояса торчала рукоятка писто-

лета. Кажется, этому джигиту было наплевать на порядки, какие царили в столице России. У нас обычно оружие прикрывают, но на Армене не было пиджака, и вороненая сталь открыто поблескивала в ярких лучах солнца.

— Ты что, — не удержался я, — всегда так ходишь со стволом?

Армен оглянулся, прищурился и удивленно ответил:

— Зачѐм так? В машину сядѐм, оружие выложу.

Ага, все-таки не всегда он шляется так вызывающе по городу. Ну и на этом спасибо.

«БМВ» Армена стоял недалеко от подъезда, передними колесами на газоне. Когда я таким образом ставил свою тачку, мои соседи обычно выговаривали мне за то, что я нарушаю экологию и уничтожаю растительность. Но Армену-то что? Он здесь не живет. И на моих соседей ему глубоко наплевать.

Послышался слабый писк. Это мой спутник нажал на кнопку брелока, автоматически открывая дверцы иномарки.

— Здравствуйте, Игорь, — донеслось до меня со стороны. Я оглянулся на голос.

К подъезду заворачивала премиленькая девушка семнадцати лет. Коротенькая юбочка, пышные грудки... Можно не сомневаться, в будущем она обещала стать сногшибательной красавицей. И меня это радовало. Потому как жила она этажом ниже, и, кажется, я ей был далеко не безразличен, несмотря на некоторую разницу в возрасте.

Мы с ней обычно довольно мило беседовали. Только беседовали, ибо дальше бесед я не заходил. В конце концов я не развратник. И не охотник за малолетками.

— Привет, Вика, — нежно ответил я и подмигнул ей.

Армен также обернулся и тут же расплылся в похотливой улыбке.

— Здравствуй, красавица! — заорал он, словно был на пожаре. — Слушай, пойдем в ресторан. Смотри, какой я красивый.

И Армен гордо выпятил грудь.

Улыбка вмиг слетела у Вики с лица. Девушка быстренько засемила к подъезду.

— Куда спэшишь? — не унимался Армен. — Ты что? Лэзбиян?

Девочка еще более заторопилась. Ну вот! Что она теперь обо мне подумает? Еще и любить перестанет. Хренов джигит.

— Заткнулся бы ты наконец, — процедил я сквозь зубы.

— А что такое, да? — удивился он.

Я махнул рукой. Что объяснять недалекому про дальнюю даль? Все равно все на свой ум представит.

Мы забрались в машину. В салоне было душно, что в той сауне.

— Открой окна, — прохрипел я.

— Счас провэтрим, — спокойно отчеканил Армен, нажал на кнопку в панели, боковые передние окна автоматически

открылись; а затем Армен открыл еще и люк.

— С шиком поедэм, да, — довольно промычал он, едва шевеля губами.

— Ты от пива хуже не водишь? — на всякий случай осведомился я, вспомнив, что водитель только что осушил бутылку.

— Я и с водкой хорошо вожу, — самоуверенно заявил он. — Армэн — ас.

Ишь ты! Выучил.

— Едэм, да?

— Помолчи, — огрызнулся я, пытаюсь сообразить, куда в первую очередь податься.

Вытащив из кармана брюк фрагмент фотографии, я в который уже раз уставился на волевое лицо человека на снимке.

— Можэт, к нэму домой? — не удержался Армен, наклонясь ко мне и вместе со мной разглядывая снимок.

Я спрятал фотографию назад в карман и посмотрел на Армена.

— На Петровку, — резко бросил я, от чего джигит удивленно заморгал глазами.

— Зачэм, Пэтровка?

— Не твое дело. Рулюй, куда сказано.

Армен сделал обиженное лицо, но возражать не стал; видимо, понял, что это в общем-то пустое занятие.

Поскольку нужный нам человек служил когда-то в спец-

назе, я решил навестить своего старого командира.

Через двадцать минут мы были на месте.

На проходной Главного управления внутренних дел Москвы я связался по телефону с заместителем командира группы специального назначения майором Довлатовым. Во время моего разговора по телефону дежуривший у входа капитан окидывал меня подозрительным взглядом, словно обнаружил в посетителе, то бишь во мне, давно разыскиваемого преступника.

Довлатов сказал, чтобы я подождал, пока он сам спустится ко мне. Я все понял. К себе он не решился меня приглашать. Что ж, такому отщепенцу, как я, конечно, здесь не место. И все же с майором мы оставались большими друзьями. Хотя меня и убрали из группы «по несоответствию», майор до последнего боролся против этого. Но, как всегда бывает, кто-то должен за все ответить. И естественно — не вышестоящие. Однако я не обижаюсь. Благодаря крутому повороту судьбы я получил более денежную работу, пусть и несколько незаконного характера. Потому как лицензия у меня не то что на данную работу, но даже на частную детективную практику отсутствует. Но мне это не мешает и никого не смущает.

Майор Довлатов появился через пять минут. Крепкий, под метр восемьдесят ростом, совершенно седой, хотя ему еще даже сорока не стукнуло.

Он решительно пожал мне руку и кивком предложил выйти на улицу.

Дежуривший капитан продолжал сверлить меня недоверчивым взглядом, и в какой-то момент мне, словно шаловливому мальчишке, захотелось показать ему язык. Если бы не находившийся рядом Довлатов, я, наверное, что-нибудь такое и учудил, на зло этому служаке ревнивому, хреновому, так его растак!.. Хотя, с другой стороны, и чего это я на него взъелся?

Мы вышли на улицу.

— Ну, что там стряслось у тебя? — буркнул хмуро майор, доставая из форменного кителя пачку «Беломора».

Прикурив папироску и пустив струю сизого табачного дыма в мою сторону, он нетерпеливо передвинул мундштук из одного уголка рта в другой.

— Мне нужно найти одного человека, — признался я.

Довлатов понимающе кивнул:

— Бизнес, вижу, у тебя не умирает?

— Пока живет.

— Меня возьмешь к себе, если уволят?

— Можешь не сомневаться. Тогда уж точно откроем детективное агентство.

Майор грустно усмехнулся. Видимо, он не очень верил в такую перспективу.

Я достал снимок и протянул его майору.

— Мне сказали, он когда-то служил в спецназе. Правда, не знаю, когда и где. Но, может, ты чем поможешь?

Лицо у майора при виде человека на фотографии несколь-

ко омрачилось. Он быстро возвратил мне снимок. Я понял, Довлатову что-то известно о нужном мне субъекте.

— Зачем тебе этот человек? — отведя глаза в сторону, спросил майор.

— Ты же знаешь, как у меня. Попросили найти, вот я и ищу.

— Я бы посоветовал тебе отказаться от этой затеи.

Мне что-то стало не очень хорошо от его предупреждения. Довлатов обычно словами не разбрасывался.

— Ты его знаешь?

— Он служил у нас, — подтвердил майор. — Они пришли примерно через год после тебя.

— Они?!

— Их было трое. Все из Чечни. Обоженные войной, обожженные на всех и вся. В общем, тертые ребята, которые не верили ни во что и не боялись никого и ничего. Вместе служили в Чечне, вместе оформились и к нам в спецназ.

— Почему ушли?

— Знаешь, как о некоторых говорят? Они сначала стреляют, а потом разбираются.

— Эти тоже так поступали?

— Нет. Они просто стреляли. И не разбирались. Потому как считали себя правыми. Всегда.

— Сильные ребята.

— Да, крепкие. Но с израненными душами, которые так и не смогли залечить.

— Слишком перегнули палку?

— В одном заведении вместе с преступниками расстреляли и нескольких безвинных людей. Их едва не посадили. Но кое-как мы это дело спустили на тормозах, плюс боевое прошлое. Короче, просто уволили и все.

— Что с ними стало дальше?

— Не знаю, — пожал плечами Довлатов.

— А этот? — я помахал снимком.

— Его звали Корш. Сокращенно от фамилии Коршунов.

— Где его можно найти?

Довлатов вновь пожал плечами.

Я взглянул на снимок и задал очередной вопрос:

— А где мог этот Корш в форме сняться?

— Кто его знает. Но форма наша. Нашей группы. Значит, снимался он еще во время службы у нас.

— Его квартира уже больше трех недель пустует. Родители живут на Украине. Может, у него какая-нибудь дачка есть?

— Мне и о его квартире не было известно.

Я нахмурился. Сведений было что называется с гулькин нос. И с чего начать поиски требуемого объекта, по-прежнему оставалось вопросом.

— А у Корша не было какой-нибудь характерной привычки? — попытался я подойти с другого конца к разрешению своей задачи.

— Привычки? — Довлатов бросил окурок в сторону и

саркастически ухмыльнулся. — Кроме как убивать — никакой.

— Вот не везет, — в сердцах воскликнул я.

Майор развел руки в стороны: дескать, ну уж извини, браток, и неожиданно так с распростертыми руками и застыл. А затем быстренько принял прежний вид.

— Что-то не так? — заинтересованно посмотрел я на Довлатова.

Я почувствовал, что тот нечто вспомнил. И, видимо, совсем не второстепенное.

— Не знаю даже, привычка это или нет, — неуверенно произнес Довлатов.

— Ну, ну, — подначивал его я, словно звал на подвиг.

Хотя для меня это и было сродни подвигу. В этом и состояла моя работа. Выйти через незначительное на нечто огромное, что могло привести меня к конечной цели.

Помню, как одну должницу я провел на ее страхе. Она должна была деньги своей подруге, но категорически отказывалась их отдавать. И тогда эта ее подруга обратилась ко мне. Попросила помочь вернуть долг, но без применения грубой силы. Не любила дамочка таких методов. Я, впрочем, их тоже не очень приветствую. Потому и говорю, что действую исключительно давлением на психику должника. Так вот, я узнал, что должница довольно пугливая особа. Я ее просто встретил после работы и так, между прочим, твердо произнес, что если она не отдаст должок, ее у дома будет

ждать джип с затемненными стеклами. И ушел. А она, пугаясь каждого встречного, осторожно дошла до своего дома и, я уж расстарался, увидела такую машину. Так вот. Она даже домой не побежала, вернулась на работу и оттуда к своей подруге с «возвратом». Да. Психология вещь мощная. К каждому человеку можно подобрать ключик...

— Корш был с густой шевелюрой. Короткой, но очень густой, — продолжил между тем Довлатов.

— И что же? — не понял я вначале.

— Он каждую неделю ходил в парикмахерскую и делал укладку. Очень уж гордился своими волосами.

— В одну и ту же парикмахерскую? — с надеждой осведомился я.

— Да. Салон на Старом Арбате.

Это уже было что-то. Обычно люди своих привычек не меняют. А если меняют, то делают это весьма неохотно.

— Может, и вся троица такая была? — с некоторой усмешкой спросил я.

— Нет, — серьезно, не замечая моей иронии, проговорил майор. — Только Корш.

Я некоторое время простоял в задумчивости, а затем поблагодарил:

— Ну что ж. Спасибо и на этом.

Довлатов протянул мне для прощания руку:

— Обращайся, если что.

— Ты тоже. Если надумаешь уволиться.

Майор хмыкнул и заспешил назад в управление.

Я же отправился к «БМВ».

Армен сидел за рулем и слушал музыку. Слава Богу, что он не вздумал выпрыгивать из машины и лезть знакомиться с Довлатовым. Я бы, наверняка, упал в глазах своего бывшего командира, заметь майор, с каким джигитом мне приходится работать.

— Все нормално, да? — поинтересовался Армен, как только я занял переднее сиденье.

— Можно сказать и так. Давай теперь на Старый Арбат.

3

Салон-парикмахерская был небольшим. Четыре кресла. И в тот момент, когда я появился там, заняты были лишь два.

Две бальзаковского возраста женщины в белых халатах обслуживали двоих среднего возраста мужчин. В одном из свободных кресел сидела неприметная девушка, также в белом халате, по которому я заключил, что она служащая данного заведения. Девушка усердно работала пилочкой, приводя в порядок ногти на руках.

Увидев меня, девушка прервала свое занятие и с интересом посмотрела на меня. Что ж, меня, конечно, радовало, что я произвожу впечатление на прекрасную половину человечества.

— Хотите постричься? — осведомилась девушка, одарив

меня лучезарной улыбкой; она спросила это так, словно приглашала меня в постель.

— Пожалуй, — нехотя бросил я, глянув на себя в зеркало.

Вообще-то подстригался я совсем недавно, но ради дела можно было потерпеть данную процедуру еще раз.

Девушка выпорхнула из кресла:

— Садитесь.

Я устроился поудобнее.

Набросив на меня белую салфетку, парикмахерша поинтересовалась:

— Как будем стричь?

— Желательно ножницами. Или есть иные способы?

Девушка довольно хихикнула.

— Способ, конечно, один.

— В таком случае слегка подравняйте. Так, чтобы красотишки от меня были без ума.

Я вновь услышал довольный смешок:

— А разве они еще не без ума?

— Не до конца.

Кажется, мне попалась довольно смешливая девица, потому как я в очередной раз услышал характерное смехоподобное бульканье. После чего девушка наконец занялась моей головой.

Могу сказать, что работала она вполне профессионально. Стригла аккуратно, вымеряя едва ли не каждый волосок. Я был доволен. И массаж головы ко всему прочему получил.

И не только. Девушка так прижималась ко мне животиком, что я готов был поспорить: она отдалась бы мне сейчас, здесь же, в салоне, при зрителях. Кто этих девиц поймет!.. Но после сегодняшней ночи мой «нефритовый воин» отчего-то на близость женщины никак не реагировал. Даже не задумался. И я его в общем-то понимаю.

После стрижки я щедро вознаградил девушку улыбкой. И купюрой. Добавив широким жестом:

— Сдачи не надо.

Девушка совсем растаяла.

— Приходите еще, — нежно пропела она.

— А вы давно тут работаете? — как о ничего не значащем спросил я.

— Очень давно.

— И много у вас постоянных клиентов?

— Есть. Но таких, как вы, — не попадалось.

— Ну да, — я подмигнул ей, от чего она покраснелась, будто на смотринах; я тут же вытащил фотографию Корша.

— А этот?

Она скосила глаза на снимок и уверенно произнесла:

— А-а. Это клиент Марьи Сергеевны.

Она кивнула на женщину, работающую рядом.

— Марья Сергеевна, о Валере спрашивают, — повысила голос девушка.

Женщина, не отрываясь от работы, неодобрительноглянула в нашу сторону.

— Я его друг. Старый, — быстренько произнес я, пряча фотографию, словно ее у меня хотели отнять.

— И что друг? — донеслось в ответ.

— Не видел давно.

— Он по средам приходит.

— То есть завтра он у вас будет?

— Несомненно.

— И в какое время?

— Утром. К открытию.

— Он постоянно так ходит?

— Сколько себя помню, — Марья Сергеевна больше на нас не смотрела.

— И в прошлую среду был? — не унимался я, не веря такой удаче.

— Я же сказала, молодой человек, — неодобрительнодохнула в затылок клиенту Марья Сергеевна.

— Был, был, — доброжелательно подтвердила тут же моя парикмахерша.

Я улыбнулся ей. Честно говоря, несмотря на то что была она совсем не красавицей, я бы, пожалуй, пригласил ее к себе домой. В любое другое время. Так она мне сейчас помогла. Но в настоящий момент этого делать не следовало. Со мной был Армен. Очень уж «гарачый» парень.

— Я с вами не прощаюсь, — заговорщицки подмигнул я девушке и поспешил ретироваться из салона.

На Арбате было многолюдно. Тут, в общем, никогда люд-

ские потоки не иссякали. Армен стоял возле продавца лотереи и негромко с ним переругивался. Вот хренов горец! Вылез все-таки из машины и пришлепал сюда.

На миг я почувствовал, что у меня от ярости задрожали коленки. Мне вдруг показалось, что у Армена сзади из-за пояса торчит рукоятка пистолета. И что сейчас он начнет угрожать несговорчивому торговцу «помочкой» башки.

Подойдя поближе, я с облегчением вздохнул. «Пушки» у Армена не наблюдалось. Хватило, значит, ума оставить ее в машине.

— Считаешь мэня дурак, да?! — едва не орал Армен, потрясая кусочком картона; его руки на секунду метнулись к поясу и тут же остановились; видимо, Армен действовал по привычке, однако вовремя вспомнил, что безоружен. — Счас...

Его последняя реплика умерла, так и не родившись. «Помочить» было нечем.

Продавец, пожилого возраста низенький мужчина, прижимал к груди мегафон, через который до этого периодически приглашал прохожих поиграть в мгновенную лотерею.

— Ты говорил, возврат. Давай возврат, — не унимался Армен; за неимением ствола, он просто вытянул руку, подсовывая кулак к самым глазам мужика. — Вишь, кулак, да? Большой, да? Счас твою мошку им «помочу».

Все-таки он не удержался от своей любимой реплики. По-видимому, это была первая русская фраза, которую он вы-

учил. И с тех пор ею щеголял.

— Башку. И «замочу», — тут же поправил я, подходя вплотную к навязанному мне напарнику.

Армен резко развернулся, словно испугавшись, что на него нападут сзади.

Продавец продолжал прижимать мегафон к груди. И теперь смотрел на меня, мигая глазами, как бы призывая, чтобы я освободил его от общества этого не в меру горячего джигита.

— Знаю, да, — привычно отчеканил Армен, вмиг расплываясь в улыбке; обрадовался, наверное, что сзади оказался я, а не коварный подкравшийся враг. — Я так и говорю.

— Что за бардак ты тут устроил? — нахмурился я.

— За чем бардак? Армена обманывать нельзя, — он покачал головой, как бы подтверждая, что это нехорошо.

«Других обманывать можно. Но Армена никак нельзя. Некрасиво».

— Выбрось лотерею. И пошли. У нас много дел, — буркнул я.

— Тэбэ повезло, — зло сощурился Армен в сторону мужика с мегафоном; и с отвращением швырнул на маленький деревянный, раздвижной столик картонку.

Я схватил напарника за рукав и потащил в сторону ресторана «Прага».

— Ты что за концерт устроил? — на ходу тихо шипел я змеей. — Что, в казино стало не интересно играть?

— Скучно как-то, — виновато вздыхая, откровенно признался Армен. — Рэшил развлэчэся. А этот хрэн не понял юмора.

Джигит кивнул назад, где мы оставили перепуганного продавца лотереи.

— Твой юмор не каждому дано понять, — согласился я.

— Да, — выпятил хвастливо грудь джигит. — У Армэна очень тонкий юмор. Умный чэловэк должэн быть, чтобы понять.

«Ну, конечно. Сумасшедшим нужно быть, чтобы понять тебя, идиота. Но это я по-доброму. Армен отчего-то меня уже все меньше и меньше раздражал. И даже его выходки. Привыкать что ли я стал? Что-то уж довольно быстро».

— Вот менты тебя бы и повязали с твоим юмором.

— Армэн нэ боится мэнтов, — высокомерно заявил мой собеседник, распирая грудь еще больше.

И как по заказу из подворотни вынырнули два блюстителя порядка. С колхозными рожами, с заломленными чуть ли к небу козырьками фуражек.

Я уж думал, что они нас остановят. И не из-за меня. А конечно, из-за Армена. Очень уж они любят останавливать лиц кавказской наружности.

Но нет. Отвернулись и прошли мимо. Может, решили просто не связываться с нами. Очень мы, как мне кажется, грозно смотрелись. Армен напыщенный, что баран. Да и у меня взгляд был суров, яко у строгого наставника. И ком-

плекция наша, что греха таить, внушала опасения. Я сам под метр восемьдесят, Армен немного ниже, но совсем чуть-чуть. А вот два сержантика. Это, конечно, умора. Наверное, и метра семидесяти не достигали. Вот, блин, защитнички нашего покоя.

Обогнув ресторан «Прага», мы покинули Старый Арбат и направились к стоянке, где припарковали машину.

Забравшись в «БМВ», Армен сразу же поинтересовался:

— Куда дальше едём?

— Никуда, — остудил я его пыл. — Считай, что все закончилось. Нужного человека я нашел.

Армен захлопал ресницами. И недоверчиво отодвинулся от меня, как от прокаженного. По-видимому, не поверил. Или решил, что я спятил.

— Звони Хану, — приказал я.

Армен несколько секунд медлил, словно ожидая, что я опомнюсь, затем вытащил из прикрепленного к передней панели «кармашка» сотовый телефон и быстро застучал пальцами по кнопкам.

— Армэн это, — подобострастно представился он в трубку. — Ага... Говорит, что нашел. Счас... — И уже мне. — Держи. Хан хочет с тобой говорить.

Я приложил трубку к уху.

— Что у тебя там? — слышался в трубке настороженный голос Хана.

— Я хотел бы получить вторую часть обещанного гонора-

ра, — бодро отчеканил я.

Настроение у меня приподнялось. Что и говорить! За сутки заработать десять кусков. Это было неплохо. И отпуск свой можно будет несколько продлить.

— Не спеши, — остудил меня Хан. — Ты знаешь, где находится нужный мне человек?

— Я знаю, где он будет завтра утром.

— Ага, — подхватился тут же Хан, словно уличил меня во лжи. — Завтра, значит. Вот завтра и рассчитаемся. Что-то ты уж больно быстро все обтяпал.

— Не веришь мне?

— А я никому не верю. И ты не исключение. Где он завтра будет?

— На Старом Арбате. В парикмахерской.

— В парикмахерской? Что за хренотень ты несешь?

— Тебя ведь не интересуют мои методы розыска, а? — мне уже стало надоедать оправдываться.

— Засунь свои методы, сам знаешь куда. Меня интересует конечный результат.

— Вот и получай его, — огрызнулся я. — Завтра в девять утра.

— Значит, к семи я приеду. К тебе домой. Оттуда поедем к твоей парикмахерской. И не иначе. Я удостоверюсь, что ты не туфту мне подсунул. И после этого получишь оставшуюся часть. Только так. Врубился?

— Как знаешь, — спорить с Ханом было бесполезно.

— Дай трубку Армену.

Я быстро передал мобильник джигиту.

Тот выслушал наставления своего хозяина, повесил трубку на панель. И посмотрел на меня.

— До утра можем отдыхать, — пробасил он.

— Вот и хорошо, — без настроения ответил я. — Отвези меня домой и можешь катиться на все четыре стороны.

— Нэ, — Армен покачал головой. — Хан сказал от тебя не отходить нэ на шаг. Больно уж ты слипкий.

Я удивленно посмотрел на Армена, а затем досадливо плюнул себе под ноги.

— Скользкий, умник, — упав духом, поправил я.

— Я так и говорю, да.

«Да, да. Черт бы тебя побрал. Видимо, от тебя мне не отделаться. И первым сойду с ума — я. Это уж как пить дать. С таким «тонкий юмор» с ума не сходят. Только у тех «крыша» едет, кто этот юмор слушает».

— Куда едем?

— Домой.

Напьюсь и завалюсь спать. Так я хоть не буду слышать голоса этого джигита. Только бы он не решился меня изнасиловать, когда я буду дрыхнуть. От этих горячих парней можно всего ожидать.

Я надеялся, что на этом моя работа на Хана закончится. Я и не подозревал, что это только начало. Начало безумной круговерти.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

— Я все делал так, как вы и говорили, доктор. Но вас слишком долго не было. Очень долго. А Они не ждут. И мне пришлось предпринять контрмеры.

— О Боже. Что вы натворили?

— Они опять попытались меня достать. Но у Них снова ничего не получилось. Вы мне говорили, доктор, сидеть дома и никуда не выходить. Ждать вас. Я ждал. Долго ждал. Я даже на работу не стал звонить. Потому что Они могли подслушать.

Лаврентьев тяжело вздохнул. Он не видел своего пациента три недели. И даже чуть больше. После того, как произошло несчастье с его женой, ему было просто не до того. И Фомин на время исчез из его поля зрения. И оказывается, страшного это ничего не принесло... Фомин следовал всем инструкциям. Он заперся у себя в загородном доме. И не выходил оттуда. Все три недели. Так, по крайней мере, он говорит. И Лаврентьеву вроде нет причин не доверять ему. Вчера Лаврентьев звонил на работу вице-президента. И президент сообщил, что Фомин уже несколько дней не появляется в компании. Ему звонили домой. И в городскую квартиру, и в загородный особняк. В последнем трубку подня-

ли. И Фомин вполне здраво заявил, что ему нужен отдых. Президент решил, что его работник, возможно, приходит в себя. И оформил Фомину отпуск. Лаврентьев выслушал тираду президента и не стал убеждать его в обратном, не стал обнаруживать свои сомнения. Он-то знал истинный смысл слов своего пациента. Фомин научился обманывать весьма правдиво. Потому что Они очень умные враги. И Их очень много.

Лаврентьев боялся: после многих дней, что он не видел Фомина, тот окажется совсем невменяемым. Но нет. За это время болезнь не слишком прогрессировала. Фомин слепо следовал указаниям психоаналитика, и это говорило о том, что беспокойный пациент еще не решился отнести доктора к числу своих врагов. Лаврентьева это обрадовало больше всего.

— Вы все время находились дома, как я вам и велел?

— Да, доктор. Это правда.

Не во всем, хотелось добавить Лаврентьеву. Фомин говорил, что никому не звонил. Но ему звонили. С работы уж точно. Он промолчал об этом. Значит, вполне возможно, утаил и еще что-то. Лаврентьев внимательно наблюдал за лицом пациента, который лежал с закрытыми глазами на кушетке. По лицу ничего нельзя было прочесть. Умиротворенное, спокойное, словно человек спал и видел хороший сон. И говорил во сне. Без всяких эмоций, будто пересказывал содержание своих сновидений.

— Чем вы питались?

— У меня есть запасы, доктор. Не волнуйтесь.

— Вы говорили, что Они опять попытались к вам подобраться?

— Да, доктор, попытались. Сегодня ночью. Но я Их встретил.

— Вы что же, опять стреляли?

— Нет. Вы же сказали не делать этого.

— Тогда что же?

— Я включил прожектор...

— Какой еще прожектор?!

— Я его купил. Давно. Как только понял, что Они за мной охотятся. Хороший прожектор. Мощный. Я его повесил возле входных дверей.

— А зачем включили?

— Так Они хотели подкрасться к моему дому. Разве не понятно, доктор? Я и врубил его.

— А дальше?

— А затем высунул в окошко ПТУРС.

— Это еще что такое?

— Реактивная ручная система. Усовершенствованная. Наплечная. Портативная.

— О Боже. Откуда вы ее взяли?

— За деньги можно много чего купить. Не важно. У меня еще есть и скорострельный авиационный пулемет РСП-86. Хорошая штукавина. Не стреляли из такой, доктор?

— Нет, конечно. А вы? Вы же обещали не задействовать оружия.

— Я этого и не делал. Достаточно было показать, что я готов выпустить ракету. Ха-ха!.. А знаете, доктор, Они трусливы. Увидев, какое у меня оружие, Они тут же исчезли.

— Слава Богу... Значит, все обошлось мирно.

— Но Они вернуться, доктор. Я это чувствую. И мне нужна ваша помощь... Для вас у меня есть «беретта».

— Что это?

— Пятнадцатизарядный пистолет. Итальянский. Вам он подойдет.

— Нет. Не подойдет. С вашей проблемой мы справимся другим образом.

Лаврентьев вытер ставший влажным лоб. Ничего теперь нельзя поделать. Фомина нужно срочно определять в психлечебницу. Это следовало уже давно сделать. Однако существовало одно «но». Фомин был нужен Лаврентьеву. И прежде чем тот окажется в психбольнице, он должен кое-что сделать для психотерапевта. Только Лаврентьеву следует поспешить. В любой момент еще поддающийся его влиянию пациент может полностью выйти из-под контроля. И тогда всему плану крышка. Он и так столько протянул. Но на то были причины. Веские причины. Его жена попала в автомобильную катастрофу. Совсем некстати. Потому как она тоже являлась одним из важных звеньев замысла Лаврентьева.

— Вы сейчас отправитесь домой. Я к вам приеду вечером.

Все необходимые бумаги у вас?

— Уже три недели. Вас очень долго не было, доктор. Очень долго.

— На это были причины.

— Они вам угрожали. Я прав, да?

— Нет. Не правы. Вы согласны и дальше слушаться меня?

— Да. Согласен, доктор.

— Тогда отправляйтесь к себе домой. И ничего без меня не предпринимайте.

Лаврентьев подошел к столу и нажал на кнопку селекторной связи.

Алена впорхнула бесшумно. Лучезарная улыбка очень украшала ее.

— Проводи, Алена, Андрея Викторовича.

Фомин неторопливо поднялся с кушетки, поправил на себе одежду и заговорщицки подмигнул психоаналитику:

— Я буду вас ждать, доктор.

— Как договорились. До вечера.

Лаврентьев устало опустил в кресло и прикрыл глаза. Дверь закрылась. Он остался один.

Некоторое время психоаналитик сидел неподвижно, о чем-то напряженно думая. Затем открыл ящик стола, вытащил связку ключей и поднялся с места.

Он снял халат. И после этого вышел из кабинета.

В приемной находилась одна Алена.

— Вы сегодня встречаетесь с Миловидовой, — напомни-

ла Алена, несколько удивленно скользнув взглядом по задумчивому лицу психоаналитика.

— Я помню, Алена. Пусть она меня подождет.

Ему нужно было уйти. Ему необходимо было сейчас отлучиться. Потому что существовала проблема. Проблема с его женой. Что-то стало происходить после того, как она выкарабкалась, можно сказать, с того света. Что-то, чего он не мог понять. И объяснить.

2

Когда все началось? Лаврентьев не мог сказать. Он не знал той отправной точки, с которой пошло нечто несурзное. Ее как таковой и не было, как будто. Просто в один из моментов он почувствовал — что-то не так. С его женой нечто происходит.

Он помнил, как она вышла из комы. Она не могла говорить, вся голова, включая лицо, были обвязаны бинтами. Они тогда просто смотрели друг на друга. И все. Она — лежа на широкой койке. Он — сидя рядом на табурете.

Он держал ее руку в своей и смотрел супруге в глаза. Они были единственным открытым местом на лице. И казались единственно живыми.

Затем явился Галкин, специалист по пластическим операциям. Снял бинты. И после долгого осмотра объявил, что сможет восстановить изуродованное травмой лицо.

Лаврентьев присутствовал при этой операции. Стоя за стеклянной перегородкой.

А неделю назад бинты сняли окончательно. И когда она увидела свое лицо в зеркале, то несколько минут смотрела на него, как завороченная. Он сам смотрел на нее, словно на диковинку, будто до этого никогда и не видел.

Она была прежней. Тот же вздернутый носик, те же пухленькие алые губки, чуть впалые щеки. Были, правда, заметны небольшие, тонкие послеоперационные шрамики. Со-всем небольшие. Их мог скрыть даже легкий макияж. Вот что позволяли сейчас лазерная хирургия и так называемая «золотая нить».

— Рита, — первое, что он выговорил тогда, расплываясь в счастливой улыбке.

Она отстранилась от зеркала, внимательно оглядела его и тоже улыбнулась.

— Я не изменилась? — пыталась пошутить она.

— По-моему, ты стала еще лучше, — он проглотил подступивший к горлу комок.

Стоявший рядом Галкин довольно потер руки.

— Чудненько, чудненько. Кажется, я сделал невозможное.

Лаврентьев готов был расцеловать хирурга-пластика. Тот на самом деле сделал невозможное. Лаврентьев хорошо помнил лицо жены после аварии. Видел, когда делали перевязку. Оно было страшным. Открытые раны с набухшими, истекающими сукровицей краями. Это даже лицом нельзя бы-

ло назвать.

— Я имплантировал живые участки кожи. Так что некоторое время твоя жена может ощущать небольшой дискомфорт. Но затем все войдет в норму.

На этой оптимистичной ноте Галкин распрощался с ним.

Через день после того как окончательно сняли повязки, Лаврентьев забрал жену из больницы.

— Как здорово снова очутиться дома, — сказала она, едва переступив порог квартиры. — Ты и не представляешь. Мне кажется, что здесь я не была уже тысячу лет.

Он вполне ее понимал. Она чудом выжила. И это было ее второе рождение.

Рита мало говорила. Больше слушала его. Не спорила. Ходила по квартире, с каким-то упоением вздыхая. Она была как ребенок. И ему это нравилось.

В первую ночь после того, как Рита выписалась из больницы, он, лежа в темноте на широкой кровати, осторожно спросил:

— Тебе, наверное, некоторое время нельзя будет заниматься любовью.

— Почему? — неприятно изумилась она, как если бы он сказал нечто обидное.

— Все же авария... — попытался оправдаться он.

— У меня там все цело, — хмыкнула она, и рука ее мягко легла ему на грудь, а затем, медленно перебирая пальчиками его кожу, поползла вниз.

Он закрыл глаза от подступающего возбуждения и включил бра. Она зажмурилась и тут же погасила светильник.

— Я, кажется, стала стеснительной, — засмеялась она с детской непосредственностью.

Может, это было и к лучшему. Об этом он подумал уже позже. Такой бурной ночи он уже и не помнил. Даже в медовый месяц такие выпадали редко. Да и прошло уже после этого медового месяца десять лет. И вот — пожалуйста!

Два дня он жил в полуреальном мире. Он забыл о своей практике. О том, какие у него до этого возникали планы. Все отошло на задний план. Рита полностью заняла его мысли.

А потом... Был звонок. Рита подняла трубку. И о чем-то не долго говорила. После чего он заметил: она изменилась в лице.

— Тебе плохо? — встревоженно спросил он.

— Нет. Немножко голова закружилась.

— Кто это звонил?

— Подруга.

— Лариса?

— Да. Она.

— У нее какие-то проблемы?

— Все в порядке, — отмахнулась Рита, спеша на кухню.

На некоторое время он забыл об этом звонке. Но через день снова раздался звонок. Он поднял трубку. Однако разговаривать с ним не захотели. Связь оборвалась, едва он подал голос. Лаврентьев сходил в магазин, а когда вернулся,

Рита разговаривала с кем-то по телефону. Увидев мужа, она закруглилась с беседой и как ни в чем не бывало улыбнулась ему. Правда, улыбка эта ему не понравилась. Она была явно вымученной. И некая тревога скрывалась за ней.

Он не стал спрашивать, кто звонил. Если бы она хотела, то сама бы рассказала. Она не захотела. И именно тогда он решил вернуться к своим старым планам. Усадив Риту на диван, Лаврентьев устроился рядом и спросил:

— Ты помнишь, что мы с тобой решили до аварии?

Рита на секунду задумалась, а затем, твердо глядя ему в глаза, сказала:

— Помню.

— Я думаю, нам пора завершить начатое.

В этот миг ему захотелось немного изменить ранее придуманный им план. И он уже себя уверил, что воплотит это изменение в жизнь. Поскольку кое-что в его жизни произошло. После сказочно проведенных с женой нескольких дней.

— Ты уверен? — на всякий случай спросила она.

— В себе — да. А вот ты? Ты сможешь сейчас справиться?

— За меня не беспокойся, — убежденно ответила она.

Ближе к вечеру, когда он пил кофе на кухне, она подошла к нему, нежно обняла за шею и, прижавшись губами к его затылку, произнесла:

— Ты не смог бы завтра поехать со мной?

— Поехать? Куда? — он слегка опешил.

— Я хотела бы взглянуть на то место, где произошла ава-

рия. Ты ведь знаешь, где это было?

Он нахмурился. Его возили на место аварии. Но он не хотел об этом сейчас вспоминать. Потому как сразу же на ум приходил инспектор Смолячков с его дурацкими вопросами.

— Зачем тебе это?

— Мне все как-то не верится, что со мной могло случиться такое.

— Просто забудь об этом, — посоветовал он.

— Может, я так и сделаю. После того, как побываю там.

Он задумался, а потом согласился, хотя это ему и не понравилось.

На следующий день он отвез ее на своей машине к месту трагедии.

Рита долго стояла у обочины, глядя вниз с крутого склона, куда полетела ее машина. Уже ничто не говорило о том, что здесь произошла авария. Дерево, о которое ударилась ее машина, продолжало расти; тихо шелестела листва. И восстановился травяной покров.

Рита спустилась вниз. Постояла возле дерева. А затем поднялась вверх. Кто-то другой так и не понял бы, что она хотела здесь увидеть. Но психоаналитик без труда сообразил: его жена что-то пыталась отыскать.

Рита перешла через дорогу, желая увидеть место, где взорвалась вторая машина. Обломки машины давно уже были вывезены отсюда.

Однако Рита не удержалась и спустилась вниз с другой

стороны дороги.

Лаврентьев молча наблюдал за женой. Он не любил загадок, которые предлагали ему. Другое дело, когда он сам их загадывал.

Рита поднялась на шоссе и сразу же бросилась на шею к мужу.

— Ты знаешь, — сказала она слабеньким голосом, — это так тяжело. Я никогда не думала, что местность может так давить на тебя. Я словно вновь почувствовала, как падаю. Страшно.

И она поехала. Он крепче прижал жену к себе.

— Давай уедем, — поспешно попросила она. — Мне здесь не по себе. И ты прав. Лучше все забыть.

В этом он был с ней согласен. Хотя у него были вопросы насчет аварии. К Рите. И главный — в ту злополучную ночь она не должна была находиться в машине одна. Но он не задал этот вопрос. Он тоже хотел забыть об аварии.

В тот же день, вечером, кто-то опять позвонил. Лаврентьев выходил из туалета, когда услышал, как жена сказала в трубку:

— Завтра. В четыре.

Он сделал вид, что ничего не расслышал.

Лаврентьев решил сам во всем разобраться. Что это за таинственные телефонные переговоры?.. Накануне он звонил подруге жены Ларисе, и та уверила его, что не звонила Рите после ее выписки из больницы, как и та ей.

Рита обманывала его. И он хотел знать — почему. Именно поэтому он вознамерился проследить за женой. В четыре, так в четыре. Он не знал, куда она отправится и где у нее встреча. Он решил дожидаться, когда Рита выйдет из дому и сама приведет его к тому, с кем у нее свидание.

Это произошло вчера. И сегодня, как только он закончил с Фоминым, то сразу же направился домой.

Он подъехал на «мазде» к своему дому в половине третьего. Заглушил мотор и стал внимательно следить за подъездом. Он надеялся, что за полтора часа до назначенного свидания его жена вряд ли покинула квартиру.

И был прав. Рита вышла в половине четвертого.

3

Она взяла такси и поехала в сторону Кутузовского проспекта.

Лаврентьев двигался следом, стараясь не отстать и не потерять нужный объект в потоке машин.

Рита отпустила такси на Ленинских горах.

Он припарковал «мазду» и поспешил за своей женой, боясь, что та успеет от него скрыться.

Она подошла к массивным перилам, за которыми открывался величественный вид на столицу.

Рита стала рядом с каким-то человеком в костюме; он был чуть выше среднего роста; не застегнутые полы пиджака ко-

лыхались от ветра.

Сновавшие туда-сюда туристы мешали Лаврентьеву внимательнее разглядеть того, кто был рядом с его женой.

Лаврентьев отошел в сторону и стал наблюдать за Ритой сбоку.

Рита смотрела вдаль, и можно было подумать, что, кроме осмотра города, ее ничто и никто не интересуют.

Однако психоаналитик заметил, как у нее двигаются губы. И понял, что она говорит. И, конечно, не сама с собой разговаривает. Значит, с тем, кто стоял рядом.

Он не знал этого человека. И видел его впервые. Оглядывая незнакомца сбоку, трудно даже было сказать о нем что-то определенное. Разве что мужчина был не стар.

Рита оставалась у заграждения около пятнадцати минут. Затем оторвалась от перил и двинулась обратно к стоянке такси. Мужчина задержался лишь на секунду и поспешил вслед за Ритой. Однако, когда Рита остановилась у такси, он проследовал дальше и даже не взглянул на нее, словно и не был с нею знаком.

Лаврентьев остался стоять на месте. Он не знал, как ему сейчас поступить. Подойти к жене? Или последовать за этим человеком и выяснить, кто он такой и куда направляется?

Он не мог понять, что связывает его жену и этого человека.

Рита уехала на такси. Незнакомый мужчина скрылся за поворотом дороги. А он продолжал все стоять на месте, си-

лась разобраться в ситуации, в которой оказался.

Наконец Лаврентьев уселся в машину, завел двигатель и, положив руки на руль, вновь задумался.

Рита была посвящена в его план. Правда, не до конца. Но она участвовала в нем. И довольно активно. И до аварии все шло так, как он задумывал. Никаких изъяснов не было.

Теперь он готов был считать, что нечто не предусмотрел. Что? Он тут же припомнил, как пронырливый инспектор Смолячков заявил ему, что тормоза в машине его жены были неисправны. Это его удивило. Даже больше. Это его просто сразило. Кто-то умышленно испортил тормоза. Это казалось просто невероятным. Потому как он к этому руку не прикладывал. И не собирался.

Что же тогда происходит? Он никогда бы не подумал, что Рита может вести некую скрытую от него жизнь. Он считал, что жена у него всегда, что называется, на ладони. Однако он ошибся.

Незнакомый человек, с которым встречалась Рита, тому свидетельство. Кто он? Ее любовник?

Лаврентьев почувствовал, как его пальцы задрожали. Он не любил загадок. Которые загадывал не он.

Задача была со многими неизвестными. Он знал, откуда возвращалась его жена поздней ночью, когда произошла авария. Но кто мог покопаться в ее тормозах? Почему ей захотелось затем, после выздоровления, побывать на месте аварии? И этот незнакомый ему мужчина?

Он был уверен, что держит нити игры в своих руках. Оказывается, не все было так просто. Супруга, которой он доверял, что-то проворачивала у него за спиной. Или не проворачивала? Тогда как объяснить ее поведение? Связана ли была ее встреча здесь, на Ленинских горах с его планом? Или не связана?

В этот миг он расхотел менять свой план в той части, которая касалась Риты.

4

Фомин находился в своем загородном доме. Он сидел в гостиной в глубоком кресле возле дубового стола. У него на коленях лежал «ремингтон», ноги были вытянуты, пятки покоились на стоящем рядом другом кресле. Руки ласково двигались по гладкой поверхности оружия.

На столе лежал ПТУРС. Так, чтобы хозяин особняка мог легко дотянуться в случае чего и до него.

На улице уже сгустились сумерки. Фомин сидел лицом к широкому окну и зорко вглядывался в пространство за окном.

В гостиной свет не горел. Конечно, при освещении было бы спокойней. Но тогда он не увидел бы, что творится снаружи. А этого никак нельзя было допустить. Потому что Они в любую минуту могли предпринять попытку прорваться к нему в дом. И он должен быть готов к вторжению.

За окном все было знакомо. На темном фоне выделялись кроны деревьев, Фомин улавливал движение качающихся от ветра ветвей. И больше ничего. Но все могло измениться. В любую минуту. Он это знал. Враги могли подкрасться с другой стороны дома. С той, которую он не мог сейчас наблюдать. Но другие части дома его не интересовали. Потому как Они вот уже в который раз приходили к нему именно с этой стороны. Как заведенные. Он относил это на счет игры в открытую. Они не боятся его. И хотят схлестнуться с ним. Не укрываясь. Лоб в лоб.

У него на губах заиграла самодовольная полубезумная улыбка. Он Их тоже не боится. Он готов вступить с Ними в бой.

Фомин продолжал нежно гладить поверхность «ремингтона». Да, он вполне готов.

Они не такие уж умные, раз позволяют подловить Их. Конечно, не умные. Он гораздо Их хитрей. Вот так-то!

За окном картинка едва уловимо изменилась. Фомин напрыгся. И приподнял двумя руками «ремингтон».

На стекло нечто легло. Фомин прищурился. Это нечто напоминало по форме руку. И тут он услышал противный тонкий взвизг, который больно ударил по нервам.

«Кто-то скребется», — застучало призывно у него в висках.

Скрежет продолжился. И темный силуэт руки стал двигаться кверху, к форточке.

Это Они. Они вновь предприняли попытку достать его. Ха-ха! Что ж, пусть попробуют.

Его руки сжали оружие. От скрежета прямо все заклокотало внутри. Показалось, что еще немного — и его вытошнит.

Ствол «ремингтона» переместился в направлении окна. Доктор приказал ему не применять оружие. Что ж, он готов был следовать указаниям психоаналитика. До сей поры готов был. Но теперь возникла другая ситуация. Этот скрежет. От него необходимо было избавиться. Иначе тот взорвет его изнутри. Он не мог его слушать. Это мерзкое тоненькое визжание. Омерзительнейшее визжание!

«Наверняка, Они и хотели добить его этим, — стукнуло тут же в мозг. — Конечно. Ядом и другими средствами у Них не получилось. Тогда предприняли иное. Ну что ж, сейчас он Им задаст».

До выключателя, который врубал прожектор, нужно подниматься и пересекать гостиную. А его нервы могли не выдержать даже нескольких секунд.

Палец плавно лег на курок. Выстрел прозвучал в комнате довольно звонко, Фомин даже замотал головой, почувствовав, что заложило уши.

Стекло в окне со звоном рассыпалось, и осколки полетели на пол. Вслед за этим послышался легкий вскрик, словно сова ухнула.

Он глубоко вздохнул. Свежий воздух ворвался в гостиную

через образовавшийся проем. Запахло пороховым дымом.

Фомин продолжал держать «ремингтон» на изготовку. За окном была привычная картинка. Темнота и на ее фоне пятна крон деревьев.

«Получили!» — пронеслось у него в мозгу.

Попробуйте потягаться. Он умнее Их. Он намного умнее Их.

«Ремингтон» вновь лег на колени. Нужно бы зажечь проектор. Эта мысль, однако, быстро отошла на задний план. Не нужно. Теперь он будет просто стрелять. Доктора нет. Он обещал приехать, но его нет. А раз так, то он будет по-своему расправляться с Ними. Раз доктор не выполняет своих обязательств, он тоже не будет выполнять свои. Он будет поступать так, как сам сочтет нужным.

На лице у него заиграла злорадная улыбка. А может, доктор испугался Их? Вполне может быть. Но сам он не из пугливых. Он победит Их.

Фомин неподвижным взором продолжал глядеть в пустую глазницу окна.

Через какое-то время до его слуха донеслось легкое урчание двигателя автомобиля. Машина приближалась. И остановилась у его калитки. Он четко видел блики света фар, которые, как только автомобиль остановился, исчезли.

Сердце его, готовое вот-вот вырваться из груди, застучало сильнее.

Они продолжали наступать на него. Что ж, он задаст Им

сегодня жару.

«Ремингтон» лег на стол. Руки потянулись к портативной ракетной установке.

«Автомобиль ведь пулей не возьмешь», — пронеслась в голове весьма здравая мысль.

Послышался скрип открываемой калитки. И следом раздался громкий возглас:

— Андрей Викторович!

Это доктор. ПТУРС застыл на полпути к плечу.

Фомин заморгал, словно просыпаясь. С секунду поколебавшись, положил ПТУРС назад на стол. И поднял «ремингтон». Несмотря ни на что, нужно быть готовым к нападению. Они слишком хитры. Правда, не так, как он. Он-то намного Их хитрее. Уж это ему было известно наверняка.

— Андрей Викторович!

Голос раздался уже совсем близко.

Фомин поднялся, пересек гостиную и включил наконец прожектор.

А затем вышел на веранду, продолжая держать оружие в руке.

Доктор стоял на ступеньках крыльца, заслоняясь рукой от яркого света прожектора.

Фомин не торопился. Даже несмотря на то, что узнал психоаналитика. Подвоха можно было ждать с любой стороны.

— Я приехал, как и обещал, — крикнул Лаврентьев, продолжая щуриться от яркого света; он увидел Фомина через

застекленное окошко двери веранды.

Фомин опустил оружие. И занялся замками. Их было три. После того, как Они попытались ворваться к нему через эту дверь, он врезал дополнительно два замка.

Фомин раскрыл дверь и выглянул на улицу.

— Вы один? — осведомился на всякий случай.

— Один. Конечно, один, — Лаврентьев шагнул к двери.

Фомин отошел в сторону, пропуская гостя.

— Я думал, вы уже не приедете, доктор.

— Я же обещал, что буду у вас.

— Да, обещали. Но после того, как Они пытались пробраться ко мне через окно, я посчитал, что вы отступили.

— Когда это произошло?

Лаврентьев пристально смотрел на своего пациента. Казалось, он хотел проникнуть в самые отдаленные уголки больного сознания Фомина.

— Только что. Совсем недавно.

— Вы стреляли? — Лаврентьев скосил взгляд на «ремингтон».

— Мне пришлось, доктор. На этот раз пришлось.

— Вы же обещали не делать этого.

— Обещал. Но вас не было, — веско возразил Фомин. — Я думал, вы уже не приедете.

— Надеюсь, вы никому не причинили вреда?

— Только Им, доктор.

— Что значит — Им? — Лаврентьев насторожился; его

взгляд отчего-то затравленно метнулся в сторону входных дверей.

— Я слышал вскрик. Или не вскрик. Что-то похожее на это.

— О Боже мой!..

— Да, доктор. Я крепкий орешек, — гордо выпятил грудь хозяин дома. — Им так просто меня не взять.

— У вас есть фонарик? — неожиданно спросил Лаврентьев.

Фомин на некоторое время задумался. Его мозг отказывался столь внезапно менять темы. Наконец он пришел в себя:

— Зачем он вам?

— Я хочу посмотреть, что вы натворили.

— Вы хотите убедиться, что я подстрелил кого-то из Них?

— Черт побери, нет. Я хочу убедиться, что ничего серьезного не случилось.

— Как это не случилось, доктор? Меня хотели убить. Вы считаете это не серьезным?

Вопрос был задан столь непринужденно, что Лаврентьев сразу даже не сообразил, как на него ответить.

— Давайте сначала посмотрим, — неловко отмахнулся он.

Но Фомин воспринял это по-другому.

— Что ж. Я тоже не против посмотреть, доктор. На то, как я расправился с Ними. Это только начало. Их много. Но я

справлюсь, доктор. Вы ведь мне поможете в этом, правда? Вы ведь не один из Них?

— По-моему, на эту тему мы уже говорили. Я не один из Них. Я с вами, — и нетерпеливо повторил прежнюю просьбу: — Так вы достанете свой фонарик?

Фомин насупился, но затем кивнул.

Он двинулся к ящику, что стоял в углу веранды, порылся в нем и извлек на свет фонарик.

Лаврентьев, проверив, работает ли фонарик, двинулся к выходу.

— Я с вами, доктор, — бросил в спину психотерапевту Фомин.

— Как хотите, — не оборачиваясь, ответил Лаврентьев.

— Хочу ли я? Конечно, хочу. Тем более, что вас нужно прикрывать. Вы ведь не знаете, какие Они. Насчет ума Они те еще. Но я намного умнее Их. Уж не сомневайтесь в этом. Так что со мной вам ничего не грозит. Я сумею Их встретить, если Они вздумают нас подкараулить.

Лаврентьев досадливо махнул рукой. Какую помощь может оказать больной пациент, он себе хорошо представлял.

Лаврентьев вышел на улицу и побрел вдоль дома, освещая себе путь.

Круг света нервно плясал по зеленой траве, пока не остановился на осколках стекла, ярко заблестевших. Прожектор эту часть территории не освещал.

Лаврентьев переместил световое пятно выше — к окну,

затем вновь опустил на землю.

— Это здесь, — раздался за спиной голос Фомина. — Странно. Никого нет, доктор. Но я могу поклясться, что попал.

Лаврентьев оставил без ответа реплику пациента. И двинулся вперед. Обследовав близлежащую территорию, он вернулся к Фомину, который продолжал стоять на месте возле разбитого окна.

— Ничего не понимаю, доктор, — обескураженно проговорил Фомин.

Казалось, отсутствие поверженного тела одного из Них его просто ввело в транс, из которого он никак не мог выйти.

— Все в порядке, — уже успокоился Лаврентьев.

— Вы считаете, доктор? — недоверчиво поглядел на него Фомин.

— Да. Пойдемте в дом. Нам нужно о многом поговорить.

— Но...

— Вы обещали мне доверять. Помните?

— Конечно, доктор.

— Тогда доверьтесь мне, — твердо произнес в темноту психоаналитик.

Его убежденность подействовала на Фомина. Он враз подобрался. И в походке его появилась уверенность.

Они зашли на веранду, затем прошли в гостиную.

— Выключите прожектор, — попросил Лаврентьев. — Незачем привлекать внимание.

Это объяснение Фомин понял по-своему:

— Вы правы, доктор. Незачем привлекать Их.

Он погасил прожектор.

— Может, и в гостиной выключить свет? — поразмылив несколько секунд, предложил Фомин.

— Зачем?

— Ну как же, — Фомин с неодобрением покачал головой и кивнул в сторону выбитого окна.

— Заложите дыру подушкой, — посоветовал психоаналитик.

Фомин прищурился, а затем довольно кивнул:

— Сейчас сделаем.

Он положил «ремингтон» на стол и двинулся во вторую комнату, на ходу бросив Лаврентьеву:

— Если что — стреляйте.

Лаврентьев поморщился, подошел к столу и посмотрел на оружие. Он никогда не притрагивался не то что к ПТУРСу и «ремингтону», но даже к «воздушке» в тире. Он даже не служил в армии. Закончив институт, заочно получил звание.

Фомин вернулся в гостиную довольно быстро. Он нес огромную пуховую подушку и при этом заговорщицки подмигивал Лаврентьеву, как бы говоря, мы теперь оба повязаны, доктор.

Фомин с силой втолкнул подушку в окно, проверил, чтобы «затычка» не вывалилась ни в ту, ни в другую сторону, и подошел к столу.

— Любуетесь на оружие, доктор? — лучезарно, с детской непосредственностью улыбнулся он.

Лаврентьев поспешно отвел взгляд от стола.

— У меня для вас есть «беретта». Я уже вам говорил об этом.

Доктору удавалось сохранять спокойствие. Он пододвинул к себе поближе кресло и уселся в него, жестом приглашая хозяина особняка устраиваться напротив.

Психоаналитик осматривал гостиную. Комната была довольно просторная. Камин с резной чугунной решеткой. Ковры: на стене и на полу. Кожаный диван, два кресла, стол и три стула возле разбитого окна.

— Я рад, что вы со мной, доктор, — Фомин сел в свободное кресло напротив психоаналитика.

— Я сказал, что вам помогу. То, о чем я просил, у вас?

— У меня, — Фомин с хитрецей прищурился.

Лаврентьеву это не понравилось.

— Вы говорили, что передадите мне Это.

Хитрый прищур не сходил с лица Фомина:

— Да, доктор.

— И что же? — начинал раздражаться Лаврентьев.

— Это опасно, доктор.

— Что опасно?

— Я все хорошенько спрятал. Вы не волнуйтесь. Никто не найдет. Просто опасно сейчас Это доставать.

— Почему?

— Они наблюдают за нами, — напомнил Фомин.

— Вы Их отпугнули. Своим выстрелом, — попытался схитрить психотерапевт.

— Нет, доктор. Ведь на земле возле окна никого не было. Значит, Они вернутся. Обязательно. Подождите немного...

Он замолк, прислушиваясь. И Лаврентьев невольно тоже прислушался. Ничего, кроме шума ветра за стенами, слышно не было. Но это только для Лаврентьева. Больное сознание Фомина сумело уловить Нечто, что показалось ему довольно настораживающим.

— Слышите, доктор?

Лаврентьев опять прислушался:

— Ничего.

— Они здесь, доктор. Я Их чувствую. Они наблюдают за мной. Поэтому я не могу достать то, что вы просили. Они сразу же увидят.

— Тогда скажите мне, где ваш тайник.

— Вы не поняли, доктор. Они здесь. Я не смогу даже сказать. Потому что Они услышат.

— Тогда напишите мне на бумажке, — не отступал Лаврентьев.

— Этого тоже нельзя делать. Неужели вы не понимаете, доктор? Они все видят. Они очень умные. Но я все равно Их хитрее. Я намного Их хитрее.

Все. Лаврентьев разочарованно откинулся на спинку кресла. Фомин стал ходячей бомбой с часовым механизмом.

В любой момент эта «бомба» могла взорваться. До сих пор он еще как будто не подступал к невидимой грани, отделявшей реальность от безумия. Но в эту минуту он приблизился к ней вплотную и был готов ее пересечь. В любую секунду. И если это произойдет, Фомин станет просто не нужен ему, Лаврентьеву.

— У вас есть что-нибудь выпить? — спросил Лаврентьев, несколько смягчая беседу.

— Выпить? — на секунду на лице у Фомина проскользнуло удивление, а затем он расплылся в довольной улыбке. — Покрепче что-нибудь, доктор?

— Нет. Я за рулем.

— Вы собираетесь меня покинуть? — огорчился пациент.

— Мне необходимо будет сделать это. Чтобы помочь вам. Вы ведь хотите, чтобы я вам помог?

Фомин нахмурился, как бы стараясь разобраться в словах доктора. Затем поднялся, вышел на веранду и вернулся через несколько минут с двумя баночками «колы». Одну он протянул психоаналитику, другую оставил себе.

— Это из моих запасов, — хмыкнул Фомин. — Можете пить, не боясь.

— Спасибо, — психоаналитик открыл баночку и поднес к губам.

Фомин исподлобья наблюдал за действиями доктора. И когда тот принялся пить, благоговейно улыбнулся, словно до этого проверял — доверяет ему психоаналитик или нет. По-

няв, что доверяет, он успокоился. И открыл свою баночку.

— Вы по-прежнему верите мне? — вернулся к теме Лаврентьев.

— Можете не сомневаться, доктор.

— Тогда вы должны достать мне то, что обещали. Иначе мне не справиться с вашими врагами.

Фомин туго смотрел в поверхность стола.

— Когда вы мне отдадите Это, я покажу вам вашего врага. А когда вы увидите врага, то сможете расправиться с ним и освободиться раз и навсегда.

— Правда, доктор? — у Фомина так и загорелись глаза.

— Я вам обещаю.

— Хорошо, я так и поступлю. Но Это должно попасть только в ваши руки, я прав, да?

— Совершенно верно.

— Тогда я сделаю все после того, как вы уедете. Я улучу момент, когда Они не будут подсматривать, и достану то, что вы хотите.

Лаврентьев на секунду задумался, а затем согласился:

— Пусть будет так. Вы привезете завтра ко мне на работу...

— Это опасно, доктор. Я уже говорил. Лучше приезжайте сами.

Лаврентьев нахмурился. Такой вариант его несколько не устраивал. Однако спорить сейчас он не решился. Этого вообще не стоило делать. Нужно было постараться зафиксиро-

вать состояние, в котором сейчас пребывал Фомин, и не позволить этому состоянию ухудшиться.

— Ладно. Я приеду.

Они выпили «колу», и после этого Лаврентьев стал прощаться.

— Не делайте новых глупостей. Они сегодня к вам больше не вернутся.

— Почему вы так думаете? — усомнился Фомин.

— А разве они больше одного раза в день появлялись у вас?

Фомин хмыкнул:

— А вы умный, доктор. Не волнуйтесь. За меня не волнуйтесь. Я буду очень осторожен. Завтра мы с Ними разберемся, правда?

— Правда. Завтра вы узнаете своих врагов. Потерпите. И сделайте то, что обещали.

Уже на веранде Фомин, словно неожиданно вспомнив важную вещь, убежденно проговорил:

— Вы должны беречь себя, доктор. Хотите, я дам вам «беретту» прямо сейчас?

Лаврентьев вздрогнул и поспешно отказался:

— Этого не нужно.

— Они опасны, доктор, — не унимался Фомин, лукаво стреляя глазами.

— Я справлюсь. Ведь я до сих пор делал это.

Фомин нахмурился, а затем недовольно пробурчал:

— Ну, ладно. Как хотите.

Когда психоаналитик вышел на двор и двинулся по усыпанной щебенкой тропинке к калитке, Фомин сказал ему в спину:

— Я буду ждать, доктор.

И тут же раздался стук закрываемой на веранде двери. Лаврентьев даже не обернулся.

5

Она ждала его в ста метрах от дома Фомина.

«Мазда» с включенным дальним светом тормознула, и Рита запрыгнула на переднее сиденье.

— Что так долго? — хлопнув дверцей, поинтересовалась она.

— Всего не предусмотреть, — неопределенно буркнул он, отпуская педаль сцепления.

Дорога была отвратительной. Да и дорогой назвать это было нельзя. Так себе — выбитая колесами автомобилей колея. С ямами и ухабами.

Приходилось тащиться на второй скорости. И Лаврентьеву не нравилось это. Жутко хотелось убраться отсюда поскорее.

— Все прошло как надо? — заглянула ему в глаза Рита.

— Ты молодец, — Лаврентьев бросил поощряющий взгляд на жену.

Лицо женщины было спокойным. Ни тени напряжения или нервозности... Она великолепна. Она отлично справляется со своей частью его плана. Справлялась раньше. Справляется и теперь. Она играла роль «врагов». Она была ими. Они — в одном лице. Те, кого боялся Фомин. Те, которые пытались его уничтожить и вламывались в его квартиру и загородный дом, — это все была Рита.

— Я испугался за тебя. Сколько раз я убеждал его не приносить оружия. Но это бесполезно. Уже бесполезно.

— Не важно. Это не важно. Я жива. И здорова. Он плохо стреляет. Только и всего.

— Тем не менее, ты могла бы показаться, когда я подъехал к его дому.

— В этом не было необходимости. Он ведь мог сразу после выстрела выбежать во двор. Не стоило рисковать. Я с тобой — и все в порядке.

— Угу, — словно филин, прогудел себе под нос психоаналитик.

— Он отдал тебе то, что ты хотел? — после непродолжительной паузы спросила женщина.

— Он отдаст завтра.

Завтра многое должно решиться. Лаврентьев недобро ухмыльнулся.

Когда они выезжали на шоссе, психоаналитик еще раз бросил мимолетный взгляд на жену. Лицо у нее по-прежнему было спокойное. Ни тени эмоций.

«Бог с ней, с Ритой, — неожиданное раздражение охватило его. — Завтра и с нею все решится. Правда, сама жена об этом не знала. Но он-то знал. Он-то все хорошо знал. Потому как это был его план. И он его завтра завершит. Он сдаст «врага» своему сумасшедшему пациенту».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. КОСАРЕВ

1

В это утро я снова был разбужен. Кто-то поднял мою голову за волосы и тряс ее, словно грушу.

Я открыл глаза и удивленно уставился перед собой. Смотреть было больно. И непросто, потому что от тряски все так и плясало у меня перед глазами.

Спал я на кухне за столом, положив на полированную поверхность свою несчастную, одурманенную алкоголем голову. Из нее явно пытались что-то вытрясти. И видимо, у кого-то это никак не получалось. Да и что с больной головы можно взять?

Я наконец не выдержал и приподнял руку, чтобы схватить ненавистного трясуна. Но едва я сделал это движение, как мою голову отпустили. Наверно, от меня только того и хотели, чтобы я пришел в себя.

Ну что ж, вот я и пришел. Оторвавшись от столешницы, я уставился перед собой широко раскрытыми глазами.

В трех метрах от меня стоял Хан. Засунув руки в карманы брюк, он недовольно сверлил меня взглядом.

Трясуном, соответственно, был «боксер», то бишь Бурый. Он возвышался надо мной и готов был по малейшему знаку хозяина казино начать свою процедуру снова.

— Ты что, с утра до вечера хлещешь водку? — хмуро смотрел Хан.

Мне показалось, что лицо его едва не перекошилось от злости.

Я глянул на часы, они показывали половину восьмого.

— Слышь, очень бурый человек, — это я обращался к «боксеру». — Там в холодильнике пиво. Не достанешь мне бутылочку?

«Очень бурый» парень просто позеленел. Да, в настоящий момент Зеленка для него было просто подходящим прозвищем.

Его рука легла мне на плечо. Довольно увесистая, заметил я, ручка. Не знаю, что он хотел со мной сделать. К сожалению, это осталось в тайне, а может, и не к сожалению. Так или иначе, но Хан поспешил предупредить возможный конфликт.

— Оставь его, Бурый. И отойди в сторону.

«Боксер» повиновался: отошел на шаг в сторону, поближе к газовой плите. Погреться, наверное, захотел.

— А ты прекрати выламываться, — зыркнул в мою сторону Хан. — А то у меня уже крутится мысль, не начинает

ли тебе мешать язык. При желании можно все устроить. На твоей работе он в общем-то особенно и не нужен.

Ну тут я с ним мог бы поспорить. Без оной части тела мне никак не преуспеть на работе. Но спорить с Ханом — это все равно что препираться с телеграфным столбом.

— Как скажешь, — пошел на попятную я и поднялся из-за стола. — Ну что ж, сам достану пиво.

Я прошел к холодильнику, достал бутылочку, откупорил ее и присосался к горлышку. После чего благостно вздохнул.

— Теперь ты в состоянии работать мозгами? — осведомился Хан, не отводя от меня взгляда.

— Еще как в состоянии, — уверил его я; и это была святая правда; не так уж я вчера вечером и напился; если по сравнению с прошлым разом, то, можно сказать, побаловался. — А вы опять заявились без звонка. Дурная привычка, Хан. Или вы ко всем так заходите?

— Не ко всем. К другим бывает и иначе.

Последняя фраза Хана прозвучала недобрым намеком. И я понял, что «иначе» — это значительно хуже. Короче, пусть уж Хан, так и быть, заходит ко мне по-простому.

— Сегодня ты должен показать нужного мне человека. Надеюсь, ты не забыл об этом?

— Нет, конечно. Но я, вроде, сказал, где он должен быть.

— И я, вроде, тоже тебе кое-что сказал. Ты поедешь со мной, — было произнесено тоном, не терпящим пререканий.

И я не стал пререкался. Я только пожал плечами. Пожалуйста, можно и съездить.

— А мой гонорар? — вовремя напомнил я.

— Когда я увижу Корша, тогда и получишь.

Спорить было бессмысленно.

— Ты не мог потерпеть, чтобы хоть день не нажираться? — Хан спросил это так, словно он был председателем общества трезвенников, а я — членом этого общества, притом очень ненадежным его членом, даже бы сказал — не подлежащим исправлению.

Не нажираться. Ха, мне так и хотелось засмеяться Хану в лицо. Что мне, интересно, еще оставалось делать? Если он приставил ко мне своего соглядатая. Не заниматься же с ним любовью. Хотя этот хренов умник вчера, как только мы вернулись ко мне домой, так и заявил: «Армэн хочет любви. Да». Честно говоря, я не на шутку испугался. Кто знает, что на уме у этого джигита? Привыкли у себя в горах трахать кого ни попадя, в том числе и овец. Хорошо, Армен вовремя поправился, а то я уже собирался забаррикадироваться в ванной, дабы не была поругана моя честь. «Дэвушка есть?» Я вздохнул свободнее и закивал. Есть, есть. Ты и не представляешь, какие у меня есть девушки. Для тебя. Ну и вызвал своих с прошлого вечера спермовыжималок. Они не замедлили явиться. Джигит прямо растаял. И сказал, что теперь он мой друг навечно. И после на меня уже не обращал внимания. Он тискал этих двух шлюшек, пыжился, что тот

горный козел, и все время повторял, гордо выпячивая грудь: «У Армена красивый, да? Большой и толстый, да?». А эти две заразы глушили водку, как «Нарзан», подначивали джигита, спаивали его, при этом не упускали случая схватить Армена за его «большой и толстый», от чего джигит каждый раз прямо подпрыгивал, горел желанием моментально раздеться, но тут же останавливался под остужающей репликой, что еще не время. Да, еще не время. То есть мои подружки еще слабенько нагрузились алкоголем. Вот так это надо было понимать. Их вообще очень трудно упоить. И я лично не стал дожидаться, когда произойдет развязка. Мне хватило и прошлой ночи. Я так и заявил одной из этих красоток, когда она, улучив момент, выпорхнула из объятий Армена и подскочила ко мне. Я тогда двигался на кухню: мне надоело их пьяный визг, и я возмечтал уединиться. Так вот, она подскочила и таинственно осведомилась, хорошо ли мне было с ними вчера. Я и ответил, что едва с ума не сошел от блаженства. Особенно, когда меня голенького, как после бани с полка, наутро выудил из постели Хан. Ну, это последнее я, конечно, ей не сообщил. А предваряя следующую реплику красотки, заявил, что после такого счастья сегодня я просто не способен к подвигам на сексуальном фронте. Это почему-то ее обрадовало. Наверное, посчитала свою работу, выполненную прошлой ночью, — суперкачественной. Так вот, заявив о своей недееспособности, я тут же едва не в приказном порядке сказал, чтобы они не упали в грязь лицом перед

моим другом-горцем. Та на полном серьезе завершила: «Не бойсь. Твой чернявый хачик (или не хачик! а кто их, на хрен, разберет!) будет доволен не менее». Я ей, понятно, поверил. Не было у меня оснований ей не верить. Сами понимаете. Хлопнув в ответ ладонью по ее пухленькой заднице, я ретировался на кухню, где опрокинул два стопарика водки, затем еще два и, почувствовав, как приятно закружилась голова, уселся за стол, блаженно закрыл глаза и... Уснул. Оно и понятно, мне хотелось отдохнуть. Могу ведь я себе это позволить. Тем паче, что у меня по графику сейчас отпуск. Который несколько отодвинул Хан. Правда, воспоминание, что я за день заработал десять кусков, несколько сглаживало этот неприятный нюансик. Короче, я заснул и наверное спал бы долго, если бы не Хан со своим очень бурым, но временами зеленым корешом.

Вот. Не нажираться. Уж поверь, Хан, без этого было никак. Правда, это я ему не сказал. Он же сам угрожал. Что-то там насчет моего языка говорил. А я этой частью тела в отличие от него очень уж дорожу.

— Где Армен? — так и не дождавшись ответа на свой вопрос, задал новый Хан.

Ага, значит, они сразу прошли на кухню. Не заходили, значит, в комнату. Словно по запаху поняли, что я здесь.

— Да скорей всего спит, — неуверенно бросил я.

«И вполне возможно, — хотелось добавить, — со спермо-выжималками».

— Пошли, — скомандовал Хан.

Я поставил пустую бутылку под стол. На стол нельзя. Примета, знаете ли, плохая. Денег не будет, да.

Дверь в комнату была прикрыта, и из-за нее раздавался мирный храп. Храп здорового, довольного жизнью мужика. Ну, естественно, чего же не быть довольным джигиту? Я, кажется, все для этого сделал.

Хан не стал останавливаться. И резко распахнул дверь.

Суперспермовыжималок не было. И то хорошо.

Несколько минут я стоял на пороге комнаты, как завороченный, а затем разразился хохотом.

Это надо было видеть!

Во-первых, заваленный бутылками вперемешку с остатками закуски журнальный столик. Бутылок было так много, словно здесь погуляла целая рота. Запах в комнате стоял, что называется, умопомрачительный. Пахло перегаром, табачным дымом, какими-то дешевыми духами. И чем-то еще специфическим, чего я, честно сказать, и не понял.

Но главное. Главное, и это и во-вторых, и в третьих, и в пятых, и в десятых, конечно — джигит.

Он лежал голеньким на диване (огуречик на грядке), пристегнутый, как и я давеча, наручниками к спинке дивана, и знай себе похрапывал со сладкой миной на физиономии. Его «большой и толстый» был повязан у основания ленточкой и украшен красным бантиком. Как подарочек. Наверное, самому хозяину. Но и это еще не все. На конце все того же

«большого и толстенького» красовался презерватив.

Бурый затрясся от смеха вслед за мной. Не выдержал «боксер», как ни старался сдержаться.

А Хан весь побелел от увиденной картинке. Его лицо перекосило от злости. Колючие глазки налились кровью.

Он как подскочит на месте да как заорет. Опять моя люстра закачалась, не везет ей в последнее время.

Надеюсь, все понимают, что ни в приличном, ни даже в полуприличном обществе вылетевшие из уст Хана слова вслух не произносятся.

Тут подскочил и джигит, до этого мирно посапывавший. Небось, и сон какой-нибудь хороший видел. Маму свою в горах. Ну, видел аль не видел, того я не знаю. Однако после грозного рыка этот сон у него моментально испарился. Верно, упала мама в пропасть. Он, бедный, проснулся, словно солдат по команде «тревога».

Подскочить-то джигит подскочил, да тут же опять и рухнул на диван. Еще бы! С наручниками особо не поднимешься на ноги. Если только, конечно, вместе с диваном. Но Армену этого не удалось. Не Терминатор он все же. Так и остался лежать, только глазами хлопал да дыхание восстанавливал после отчаянной попытки подняться.

А Хан еще больше рассвирепел.

— Я тебя, сука, для чего приставлял к нему? — он прямо убивал Армена своим взглядом.

А Армен, бедняжка, уже полностью вник в ситуацию. И

покраснел. Да как покраснел! Что девица на выданье. Он глянул на свой «большой и толстый», затем приподнял голову, увидел, что его фиксирует. И стал совсем пунцовым. Ну что бурачок. Как же, лежит в столь непотребном виде. Перед мужчинами. Позор! На все горы, которые существуют в мире.

«Боксер» перестал смеяться. Ну... я это дело прекратил еще раньше, при первом же рыке Хана.

Краска не сходила с лица у Армена. Он заморгал винно-красно, сжал посильнее ноги; видимо, думал таким образом скрыть свое празднично (Первомай, ей-Богу!) украшенное «хозяйство». И тут же разжал губы:

— Я... Я нэ виноват. Это он, Хан...

При этих словах Армен кивнул на меня. Ну надо же! Вчера клялся, что я его лучший друг. Я, можно сказать, столько удовольствий ему предоставил. Ну не лично я, конечно. Однако при моем активном содействии. Какова благодарность!

— Его мошка дурная. Шалав сумасшедших позвал.

Ну вот. Оказывается, это моя дурная башка все придумала. И в наручники его закандовала, и бантиком «достоинство» его перевязала. Молодец, джигит. Далеко пойдешь, если милиция не остановит.

— Закрой пасть, придурок.

Хан выпустил пар и стал уже отходить. Лицо обрело прежнюю здоровую окраску:

— Отстегни его.

Это он уже мне приказал.

Я, понятно, прошел к бару, открыл его, обыскал и вынужден был признать, что ключика нет. Затем поглядел среди бутылок и закуски на журнальном столике и пришел к тому же неутешительному выводу, о котором и не преминул сообщить «друзьям», мать их!

— Вы уж не обессудьте, но ключа что-то не видно.

Армен, как мне показалось, даже покрылся испариной при этих словах.

— Может, он в порыве страсти его проглотил? — выдал тут же версию я.

— Ты... ты... — беспомощно запыхтел Армен, опять наливаясь красным цветом.

— А в общем, зачем его отстегивать? Пусть так и остается. Ему даже нравится это. Вон гляди, Хан, как он пыжится довольнo.

Армен начал вытворять невообразимые кульбиты на диване. Он словно вступил в последнюю стадию агонии. Над его честью продолжали глумиться. И он прямо извивался.

— Ты блят! — сходил с ума он. — Я встану, тэбя «помочу». Я тэбя ох как «помочу»!

Куда только делось его прежнее дружелюбие? Вот и дружи после этого с джигитами.

— «Замочу», — по сложившемуся уже обычаю поправил я.

— Знаю, да...

Армен не договорил. Очередной рык Хана не дал этого сделать.

— Заткнули пасти все! И чтоб я не слышал больше базара, отделать вас каждого во все дыры! Теперь будете говорить только тогда, когда я прикажу. Ясно?

Он обвел нас колючим взглядом и остановился на мне:

— А ты меня уже начинаешь доставать. Как только к тебе заявляемся, так и начинается твориться хрен знает что. Хохмач, мать твою.

Я промолчал. Раз сказали молчать. Пожалуйста. Работу я свою сделал. Получу оставшиеся пять штук и — пока, Хан. Я продолжаю дальше свой прерванный отпуск.

— Бурый, — кликнул своего подручного Хан.

Тот все понял с полупамятки. Ничего не скажешь, выдрессировал Хан своих ребятишек.

«Боксер» отстегнул прикрепленную с тыльной стороны мастерки булавку, подошел к Армену, повозился булавкой в замке наручников. И бац! Джигит на свободе. Видимо, Бурый вместе с Ханом точно так открывали дверь в мою квартиру. Ну, выяснять это я не стал. Не столь это уж важно.

Армен разом вскочил, отбросил от себя ненавистные наручники. И озверело уставился в мою сторону, затем скосил взгляд на то, что у него располагалось ниже пояса, и несколько потупился. По-видимому, он решал, броситься ли на меня сразу или все же сперва одеться. Последнее взяло верх. И Армен, не скрывая своего недовольного вида, занялся со-

бой. Хорошо хоть эти шлюшки не унесли одежду.

Было забавно наблюдать за Арменом, особенно когда он развязывал бантик на своем «скакуне». Узелок был довольно тугой, и парень пыхтел, что паровоз, силясь справиться с ним.

Я вновь не выдержал и засмеялся. Бурый — парень простой — меня поддержал. Даже Хан — и тот слегка смягчился, наблюдая шоу, что представлял Армен.

Все же Армен справился. И, прежде чем начать со мной баталию, быстренько облачился в одежду. Только после этого он повторил:

— Ты блят.

Мне нечего было возразить.

У Армена, кажется, «крыша» поехала. Он нервно дергался, его руки метнулись к поясу в поисках «пушки». Однако пистолетик-то в машине остался.

Он быстро спохватился и, кажется, решил пойти врукопашную.

Окрик Хана враз все закончил:

— Бурый!

Подручный и тут правильно истолковал призыв своего хозяина. Под мастеркой у него имелась кобура, из которой он моментально извлек свою «пушку».

— Вы мне действуете на нервы. Оба.

Вот так! Вчера я еще был в одиночестве. Сегодня на психику Хана уже не только мои действия влияют.

— Собирайтесь. Мы отваливаем. У нас мало времени.

Ну, положим, времени еще было достаточно. Но пререкаться я не стал.

Скоренько привели себя в порядок. И я, и Армен.

Первым из квартиры вышел Бурый, за ним Хан, следом Армен, я замкнул шествие. Когда я закрывал дверь, Армен неожиданно повернулся ко мне и незаметно подмигнул. Дескать, все в порядке, дружище, то, что я перед этим говорил, — это для отвода глаз.

2

Мы подъехали к месту в половине девятого.

— Лучше раньше, чем поздно, — мудро резюмировал Хан.

Мы добрались на трех машинах. В первой, трехсотом «мерсе», сидели сам Хан и Бурый — водитель; во второй, «ауди», кто-то еще из шайки Хана, сколько в ней было людей, я не знаю, стекла глубоко затонированы, а посему, что творится в салоне, было не разобрать. Ну и в третьей машине, «БМВ», ехали я и Армен.

За все время пути Армен начал разговор только раз:

— Слышь, твои бабы — это да! Армэн просто оталдел.

— Обалдел, умник, — поправил я.

— Знаю, да. Я и говорю.

Я досадливо плюнул себе под ноги. Прямо в машине. Тут

он, понимаешь ли, обалдевает, а при Хане все грехи вешает на меня. Хорошенький компаньон, ничего не скажешь.

Дальше мы ехали молча.

Припарковавшись на стоянке недалеко от гостиницы «Прага», Хан снарядил троих человек к парикмахерской. На что я, выбравшись из машины и подойдя к той, где сидел Хан, выразил свои сомнения: засвечивать свои рожи у парикмахерской было не очень правильно. Хан задумался и пояснил, что люди будут меняться. А кого искать — его ребята знают. В этом я не сомневался.

Двое были из «ауди», третьим отправился Бурый.

Через полчаса Бурый вернулся. И вместо него к месту дежурства заспешили двое других из «ауди». Из чего я сделал вывод, что в данной машине находились, как минимум, четыре человека. Через пять минут вернулись двое из первой вахты и заняли места ушедших.

Такая чехарда происходила до десяти минут одиннадцатого. И мне, честно сказать, это не нравилось. Чего доброго, эти крутые ребятки решат «замочить» своего клиента не отходя, что называется, от кассы. Очень мне не хотелось быть втянутым в такое дерьмо.

В десять минут одиннадцатого из перехода в сторону Старого Арбата вышел мужчина. Он выделялся из толпы двигавшихся в это время в обе стороны людей. И не только одеждой. Хотя и был он одет, как лондонский денди: легкий светлый костюм, белоснежная рубашка, галстук в тон костюму.

Он выделялся еще и крупным телом, атлетически сложенной фигурой.

Глянув внимательно на лицо, я сразу же понял — это тот, кого мы ждем. Я открыл боковое окно и высунул голову в направлении машины, в которой сидел Хан. Тот вытянул через боковое окно руку и щелкнул пальцами. Дескать, я вижу, сиди и не рыпайся.

Но не рыпаться я не мог. И поэтому, как только Корш скрылся за углом «Праги», я выскочил из машины и подбежал к «мерседесу»:

— Я могу считать свою миссию законченной?

— Сядь. И жди, — Хан даже не посчитал нужным повернуть в мою сторону голову.

— Вы, надеюсь, не собираетесь его здесь «мочить»? — насторожился я.

— А тебе-то что? — хмыкнул Хан.

— Как что? Я вчера засветился в парикмахерской...

— Никто никого не собирается «мочить», — ставя акцент на каждом слове, проговорил Хан: — Сядь. И жди.

Я вернулся в «БМВ». Спорить было бесполезно.

— Что дэргаешься, а? — выразил свое удивление Армен.
— Все вэдь хорошо, нэт?

— Да вот дергаюсь, — пыхнул я. — Термит мучает.

— Тэрмит? Какой тэрмит?

— Есть такая гадость.

— Да-а, — Армен как-то даже отодвинулся от меня, слов-

но от прокаженного. — У Армэна тэрмит нэт.

— Будет, — со знанием дела пообещал я.

— Шутишь, да? — Армен никак не мог понять, когда я серьезен.

— Помолчи, да? — передразнил его я.

И Армен тут же обиженно запнулся. Но мне на его обиду было глубоко наплевать. Мне нужно было хорошенько подумать. Что-то вырисовывающаяся ситуация мне стала активно не нравиться. В воздухе я почувствовал запах чего-то недоброго. Нюх у меня отменный. От него живу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.